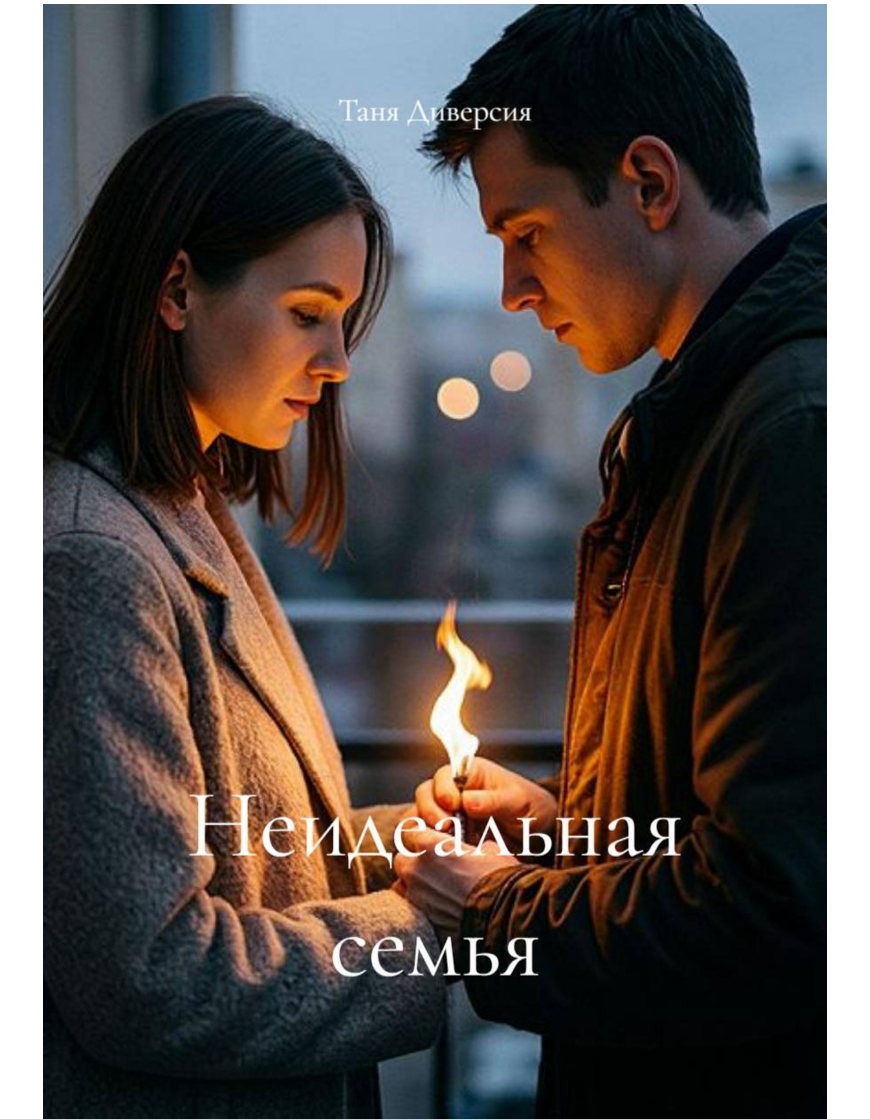

A man and a woman are shown in profile, facing each other and looking down at a lit match held by the man. The scene is set outdoors at night, with blurred city lights in the background. The woman is wearing a grey coat, and the man is wearing a dark jacket. The lighting is warm and intimate, focusing on the match and the couple's faces.

Таня Диверсия

Неидеальная
семья

Таня Диверсия

Неидеальная семья

<https://litres.ru/74602654>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о том, как человек, привыкший справляться один, учится доверять — не без страха и не с первого раза. О том, что семья — не та, что дана по крови, а та, которую выбираешь снова и снова: через ссору и ремонт, через герберы в субботний полдень и «прости», через молчание на террасе, когда слова уже не нужны. Её строят, как дом — криво, медленно, с переделками, с моментами, когда хочется бросить. И в какой-то момент оказывается, что оно того стоит.

Содержание

«Неидеальная семья» Глава 1. Улица, автобус, незнакомец	4
Глава 2. Ведьмак и первые заказы	26
Глава 3. День рождения со свечкой	47
Глава 4. Под одной крышей на три ночи	69
Глава 5. Актин и чужая ответственность	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Неидеальная семья

«Неидеальная семья» Глава

1. Улица, автобус, незнакомец

Июль в Астрахани пахнет пылью, арбузом и раскалённым асфальтом. Не в романтическом смысле, нет — просто именно так пахнет ад, если ты в нём живёшь достаточно долго, чтобы перестать замечать температуру.

Я шла от «Магнита» с пакетом в руке и думала о том, что три года назад на это же расстояние у меня уходило в два раза больше времени. Потому что тогда надо было идти вдвоём, а вдвоём почему-то всегда медленнее. Непременно нужно было зайти в ту кофейню, остановиться у витрины, обсудить, нужен ли нам этот чёртов авокадо, хотя авокадо в итоге никогда не покупали. Сейчас я шла быстро и целенаправленно, и пакет у меня в руке содержал ровно то, что было в списке. Никакого авокадо.

Развод, как выяснилось, сделал из меня мастера одиночных маршрутов.

Я даже немного этим горжусь. Звучит как диагноз, но я решила считать это навыком.

Тротуар нагрелся до состояния, при котором подошвы начинают слегка прилипать, и я чуть сместилась к стене домов

— там лежала узкая полоса тени, которую отбрасывал карниз. Астрахань в июле — это упражнение на терпение. Небо над головой выгорело до белого, и деревья вдоль проспекта стояли как нарисованные: листья не двигались, птиц не было слышно, даже собаки попрятались в подворотни.

Зато на скамейке у автобусной остановки сидела пара.

Я их заметила краем глаза — парень и девушка, она положила голову ему на плечо, он что-то говорил, наклонившись к ней, и они оба смеялись над чем-то тихим, своим. Классическая открытка. «Лето в провинциальном городе, счастье прилагается».

Я поймала себя на том, что смотрю на них без зависти.

Это было неожиданно. Настолько неожиданно, что я даже притормозила на секунду — мысленно, не физически, ноги продолжали идти с той же деловой скоростью. Год назад я бы почувствовала что-то острое, неприятное, похожее на укол в ребро. Два года назад — вообще старалась бы не смотреть на такие картинки, потому что это больно, и незачем себя терзать. А сейчас — ничего. Просто два человека на скамейке в жаркий день.

«Вот и хорошо», — подумала я и не поняла, радоваться этому или немного насторожиться.

Наверное, хорошо. Наверное, это и называется «отпустила».

Или просто атрофировалось за ненадобностью. Хороший вопрос.

Пакет переехал в другую руку — в левой всё-таки тяжелее нести, там йогурты. Я мысленно прокрутила то, что ждало меня дома, а потом в агентстве, а потом снова дома, — и список оказался настолько знакомым, что я могла бы повторить его с закрытыми глазами.

Агентство — сдать Яне правки по макету для «Каспий-Тура», у них дедлайн в пятницу, а клиент опять поменял цветовую концепцию в последний момент, потому что «жена сказала, что бирюзовый выглядит слишком по-детски». Потом — позвонить в банк по ипотеке. Не потому что что-то случилось, а потому что я звоню в банк раз в месяц и уточняю остаток, и это тоже навык, выработанный после развода: когда квартира твоя и только твоя, ты хочешь знать про неё всё. Вечером — мама. Она позвонит в девять, как всегда, и спросит, ела ли я нормально, и я скажу «да», и она немного помолчит с тем особенным молчанием, которое означает «а личная жизнь?», но вслух не спросит, потому что мы с ней договорились: я сама скажу, когда будет что сказать.

Пока нечего.

Я обогнула трещину в асфальте — старую, знакомую, она тут лет пять уже, наверное, — и почувствовала, как телефон завибрировал в кармане. Яна, скорее всего. Или банк. Или мама, которая решила позвонить в три часа дня вместо девяти вечера, потому что у неё кончилось терпение.

Но проверять я не стала — руки заняты, жара, и вообще: всё по расписанию. Сначала дойти, потом посмотреть телефон.

Это тоже дисциплина.

Я — очень дисциплинированный человек. Это мне сообщил психолог, к которому я сходила два раза после развода, прежде чем решила, что справляюсь сама. «Вы умеете структурировать хаос», — сказал он с таким видом, будто делал комплимент. Я сказала «спасибо» и больше не пришла. Мне и правда не нужна была помощь — мне нужна была уверенность в том, что я справляюсь. А это разные вещи.

Три года я выстраивала жизнь, в которой всё предсказуемо и всё моё. Квартира — моя, ипотека — моя, расписание — моё, маршруты — мои. Список продуктов без авокадо и без компромиссов. Работа, которая требует от меня ровно столько, сколько я готова отдать, и в обмен даёт ощущение того, что я умею и стою чего-то. Подруги, которых я вижу ровно так часто, как хочу. Мама с её молчаливым «а личная жизнь?» — но это хотя бы честно, там нет притворства.

Я выстроила жизнь, в которой никто не может меня подвести.

Просто потому что никого нет.

Это звучит грустнее, чем есть на самом деле, — поправила я себя тут же. Вернее, я так думала. Или привыкла думать. Или оба варианта одновременно, что, наверное, и есть самый честный ответ.

Тень кончилась, и я снова вышла на солнце. Пакет с йогуртами потянул руку вниз, асфальт отдавал жар в подошвы, и откуда-то справа, из приоткрытого окна первого этажа,

дохнуло запахом жареного лука.

Жизнь как жизнь. Астрахань в июле. Всё по плану.

Поворот налево через полквартала, потом ещё один, потом мой подъезд с вечно сломанным домофоном, который я три месяца собираюсь сдать мастеру, но всё никак. Успею. Домофон никуда не денется. Я тоже.

Где-то над головой лениво закричала чайка — она залетела с Волги, наверное, или просто кричала, потому что хотела. Я подняла голову, прищурилась от белого неба и почему-то улыбнулась.

Потом опустила голову и пошла дальше.

* * *

Угол я обогнула не глядя.

Телефон всё ещё вибрировал где-то в кармане, пакет тянул руку вниз, мысли были на следующем квартале — и поэтому человека, который выходил из кофейни, я не увидела до тех пор, пока не врезалась в него плечом.

Пакет дёрнулся. Ручка не выдержала.

Три яблока — я потом насчитала именно три — покатались по асфальту с тем обидным деловитым звуком, с каким катятся вещи, которые ты не просил ронять. Йогурты остались, потому что были плотно сложены, — это маленькая удача, за которую я тут же мысленно поблагодарила августовский день. Потом исправилась: июльский. Совсем плохо стало с памятью.

— Ой, — сказал человек. Не извините, не осторожно, а

именно «ой» — как будто не я налетела на него, а он уронил что-то хрупкое и сам удивился.

Я подняла голову.

Секунда ушла на то, чтобы сфокусироваться — солнце светило почти в лицо, он стоял чуть в тени козырька над входом, и первые полмгновения я видела только контур: высокий, плечи, в руках стакан с кофе, который он каким-то чудом не расплескал.

Потом увидела лицо.

Что-то щёлкнуло — не сразу, а с небольшим запозданием, как программа, которая подгружает файл из глубины памяти. Зал. Маты на полу. Тренер Лариса Евгеньевна с вечным «держи корпус, Таня». Запах старого спортзала — пыль и канифоль. И среди всего этого — мальчишка, который каждую тренировку делал сальто так, будто хотел, чтобы все заметили, и все замечали, и он знал, что замечают.

Лет пятнадцать назад. Может, шестнадцать.

— Таня? — сказал он.

Голос стал другим — ниже, что ли. Или я просто не помнила, каким он был.

— Андрей, — сказала я.

Пауза повисла между нами — неловкая, но не совсем неловкая, а такая, в которой оба понимают, что надо что-то сказать, и оба не очень понимают что. Я смотрела на него, он смотрел на меня, где-то за нашими спинами проехала машина с открытым окном и выдохнула в жаркий воздух чужую

музыку.

Потом он улыбнулся.

Вот этого я совсем не ожидала — или ожидала, но забыла. Широко, без всякой растерянности, как будто столкнуться на улице с человеком из другой жизни — это самое обыкновенное дело и уж точно повод порадоваться. Ни тени смущения, ни секундного «а вдруг она не помнит» — просто улыбка, и всё.

Меня это почему-то слегка раздражило.

Нет, не «почему-то» — я прекрасно понимала почему. Потому что у меня на асфальте три яблока, порванная ручка пакета и ощущение человека, которого застали в момент, когда он разговаривает сам с собой в пустой квартире. А у него стакан кофе цел, улыбка на месте, и он выглядит так, будто сейчас скажет что-нибудь необязательное и лёгкое — и окажется прав.

— Дай подберу, — сказал он, уже наклоняясь.

— Не надо, я сама, — сказала я — и при этом мы оба потянулись к ближайшему яблоку одновременно, и я едва не задела его руку.

Он отступил. Я подняла яблоко. Потом второе.

Третье закатилось под скамейку у входа — деревянную, облупленную, на которой никто никогда не сидит, потому что она стоит прямо на солнце. Андрей присел, достал яблоко из-под перекладки и протянул мне — всё с той же улыбкой, только чуть тише теперь, без демонстрации.

Я взяла.

— Спасибо, — сказала я, потому что надо же было что-то сказать, и это было единственное, что не требовало никаких дополнительных усилий.

— Пожалуйста.

Он выпрямился. Я сложила яблоки обратно в пакет, перехватила ручку покрепче — она держалась, просто дёрнулась, не порвалась, — и только тогда позволила себе посмотреть на него нормально, без этой суеты с яблоками.

Вот тут и стало ясно, что мальчишка из спортзала и человек, стоящий передо мной, — это, в общем-то, разные истории. Тот был угловатый, быстрый, с этим подростковым способом занимать пространство чуть больше, чем нужно. Этот — нет. Этот стоял спокойно, стакан держал двумя пальцами, смотрел на меня без спешки.

Я отметила это и немедленно одёрнула себя.

Таня, ты сейчас инвентаризируешь незнакомца на улице, тебя не спрашивали.

Незнакомца. Ну, почти незнакомца. Человека из той части памяти, которая хранится в отдельной папке с пометкой «до».

— Сколько лет не виделись, — сказал он — не вопросительно, а просто так, как говорят, когда не нужен ответ.

— Много, — согласилась я.

— Ты сейчас здесь живёшь?

— Да. Ты?

— Да.

Снова пауза. Она была уже немного другой — не растерянной, а просто пустой, как место, в которое ещё непонятно, что класть.

Солнце давило на макушку, асфальт пах раскалённой пылью, и откуда-то из кофейни за его спиной долетал запах эспresso — густой, чуть горьковатый, совершенно неуместный в такую жару. Я подумала, что кофе он пьёт горячим, что ли, или взял с собой и теперь несёт куда-то. Потом подумала, что это совершенно не моё дело.

— Ну, — сказала я, и это слово должно было означать «приятно было столкнуться, бывай», но почему-то зависло в воздухе, не закончившись.

Он снова чуть улыбнулся — уже без ширины, просто уголком рта. Как будто слышал это «ну» правильно — и ждал, что будет дальше.

Я перехватила пакет в другую руку.

* * *

— Ты здесь живёшь? — спросил он, и в этом вопросе не было ничего особенного — просто вопрос, просто светская неловкость у автобусной остановки, — но я почему-то почувствовала, что он удивлён.

— Никуда не уехала.

Это прозвучало суше, чем я собиралась. Немного резче. Как будто я оправдывалась перед человеком, который ни о чём меня не спрашивал.

Он кивнул — без комментариев, что хорошо. Я огляделась, не по делу, просто чтобы куда-то смотреть кроме него. Маршрутка восемнадцатого проехала мимо, не останавливаясь. Ворона у мусорного ведра деловито расправлялась с чьим-то чебуреком.

— Я тоже вернулся, — сказал Андрей. — Несколько месяцев назад.

— Откуда?

— Из Краснодара. До этого был Волгоград.

Он сказал это так, как говорят о погоде — без тени извинения и без попытки сделать из этого историю. Работа не задалась. Ищет себя. Вернулся. Всё вместе произнесено с лёгкостью человека, которого такие вещи не особенно тяготят — или который научился делать вид, что не тяготят, что примерно одно и то же, но выглядит убедительно.

— И как? — спросила я.

— Ищется, — ответил он, чуть приподняв бровь. — Медленно, но ищется.

Всё та же беззаботность. Я узнала её сразу — это качество, которое у него было ещё в спортзале, в тринадцать лет, когда он мог упасть с акробатической дорожки и подняться с таким видом, будто это и был план. Тогда это меня раздражало. Сейчас — тоже раздражало, но как-то иначе, с каким-то дополнительным оттенком, который я предпочла не рассматривать.

*Таня, ты сейчас анализируешь оттенки своего раздраже-

ния. Это уже перебор.*

Солнце стояло высоко. Пакет с яблоками давил на ладонь. Я думала, что надо идти — дома ждала недоделанная презентация, потом была ещё какая-то правка по баннерам, и вообще у меня была причина выйти из дома в эту жару именно сейчас, и причина была хорошая, и называлась она «закупиться и вернуться».

— Там за углом нормальная кофейня, — сказал он, как будто просто сообщал погоду. — Я только что оттуда. Кофе хороший.

Пауза.

— В смысле, — добавил он, — если хочешь.

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь разумное. Например, что мне надо домой. Что я только за яблоками выходила. Что у меня работа. Что мы не виделись десять лет и выпить кофе с человеком, которого едва помнишь, — это странно, и вообще жарко, и кофе в такую погоду — это не лучший выбор, и я обычно не хожу никуда без плана.

Всё это было правдой. Всё это было разумно.

И ни одно из этих соображений почему-то не сложилось в законченную фразу.

Он стоял и ждал. Не смотрел выжидающе, не торопил, не улыбался этой своей улыбкой — просто ждал, и молчание он не заполнял, а держал как-то спокойно, как будто ему было несложно.

*Ну скажи «нет». Это несложно. Ты умеешь говорить

«нет», ты делала это тысячу раз, у тебя хорошо получается.*

Ворона у мусорного ведра победно унесла чебурек.

— Полчаса, — сказала я.

Не знаю, почему именно это слово. Не «хорошо» и не «ладно» — а «полчаса», как будто я устанавливала регламент совещания, как будто это могло сделать происходящее менее странным.

Он снова кивнул — коротко, без торжества, что я оценила.

— Полчаса, — согласился он.

Мы пошли за угол. Я шла чуть позади, потому что тротуар был узкий и нас обгонял какой-то дядька с тележкой, и это был хороший повод не идти рядом. Асфальт под ногами размягчился от жары, между плитками пробивалась трава, и откуда-то из открытого окна над нами лилась радиостанция с песней, которую я не знала, но припев был громкий и бодрый, как насмешка над моим внутренним состоянием.

Полчаса, — повторила я про себя, переставляя ударение мысленно туда-сюда. — *Ты просто выпьешь кофе с человеком, с которым когда-то делала колесо на одном манеже. Это не событие. Это не то, о чём нужно потом думать.*

Запах кофейни долетел раньше, чем мы дошли, — тёмный, чуть жжёный, с примесью кардамона или чего-то похожего. Я почти остановилась.

Не потому что передумала.

Просто зафиксировала: я иду в кофейню с Андреем Со-

коловым в четверг в половину второго дня, с пакетом яблок в руке, совершенно без причины.

Таня, — сказала я себе в третий раз за последние пять минут, — *ты сейчас идёшь пить кофе. Это называется «кофе». Успокойся.*

Андрей открыл дверь и придержал её, не оглядываясь — просто придержал, как что-то само собой разумеющееся.

Я вошла.

* * *

Внутри кофейня оказалась меньше, чем снаружи.

Четыре столика, три из которых были сдвинуты к стене, пластиковые стулья с зелёными сиденьями, жестяная вывеска с меню над стойкой. На подоконнике стоял маленький вентилятор и честно гонял тёплый воздух туда-сюда. Кардамон — я не ошиблась — смешивался с чем-то сладким, ванильным, и это всё вместе было неожиданно хорошо. Почти умиротворяюще.

Я выбрала столик у окна и сразу начала изучать царапины на столешнице, трещину в нижнем углу стекла, девочку лет шести за соседним столиком, которая сосредоточенно рисовала что-то в телефоне и не обращала на родителей никакого внимания. Это было очень удобно — смотреть куда угодно, только не на человека напротив.

— Капучино? — спросил Андрей от стойки.

— Американо. Без сахара.

Он заказал, вернулся, поставил передо мной стакан, свой

взял обеими руками — чуть неловко, потому что стакан был горячий и без подставки — и сел. Положил руки на стол. Посмотрел на меня.

Я посмотрела на трещину в стекле.

— Ты, кстати, хорошо держишься, — сказал он. — Я имею в виду — ты почти не изменилась.

— Это должно быть комплиментом?

— Ну, — он подумал, — смотря как ты относишься к тому, какой была в четырнадцать лет.

Я невольно усмехнулась.

— В четырнадцать я носила волосы, как у Гермiony до Хогвартса, и считала, что кеды — это на любой случай жизни.

— А разве нет?

— Я повзрослела.

Он посмотрел на мои ноги под столом и я мысленно застонала — потому что на мне были кеды. Белые, немного запylённые, но кеды.

— Не говори ничего, — сказала я.

— Я молчу, — сказал он и сделал вид, что изучает меню на стене с видом человека, который очень старается молчать.

Это оказалось неожиданно смешным. Не то чтобы остроумно — просто дурацки, по-детски смешным, и смех получился сам по себе, раньше, чем я успела решить, что это лишнее.

Мы помолчали. Снаружи за стеклом проехал троллейбус,

кто-то просигналил, девочка за соседним столиком показала рисунок маме — та кивнула, не отрываясь от телефона.

— Помнишь Кириллову? — спросил вдруг Андрей.

— Которая всегда падала с третьей позиции?

— Она. Я её в прошлом году случайно нашёл во ВКонтакте. Она теперь тренер по йоге в Краснодаре.

— Логично, — сказала я. — Сальто не получилось — переключилась на что попроще.

— Жестоко.

— Зато честно.

Он улыбнулся — по-настоящему, чуть шире, чем раньше, — и это было неудобно замечать, потому что мне пришлось переводить взгляд обратно на стакан.

— А Максимов куда делся? Тот рыжий, который всегда прыгал на полсекунды раньше.

— Не знаю, — сказал Андрей. — Потерялся. Я вообще со многими потерял контакт, когда переехал.

— Ты давно уехал из Астрахани?

— Года три назад. Туда-сюда. Сейчас вот опять здесь, временно.

Временно. Я отметила это слово и аккуратно положила его в сторону.

— Ты сказала — маркетинг, — произнёс он, без перехода, как будто мы говорили именно об этом. — Агентство?

— Да. Рекламное.

— Нравится?

Вопрос был простой. Большинство людей, услышав «маркетинг», либо кивали с видом «понятно», либо начинали рассказывать про своего знакомого, у которого тоже что-то такое. Андрей смотрел и ждал ответа.

— Нравится, — сказала я, и это была правда, хотя и неполная. — Там хотя бы понятно, что и зачем. Есть задача, есть результат, есть метрики.

— Метрики, — повторил он без насмешки. — Это важно — когда понятно, что считать.

— Именно.

Я не объяснила дальше. Он не спросил. Но я поймала себя на том, что пытаюсь не удивляться — потому что большинство людей на этом месте либо переключались, либо начинали рассказывать что-то своё. А он просто кивнул, как человек, который услышал и сложил.

— Ты живёшь... здесь? Ну, то есть, в Астрахани? — спросил он.

— Да.

Пауза.

Небольшая, но заметная — секунда, может полторы. Он не уточнял. Я не добавляла. За стеклом мимо прошли две девушки с пакетами из «Магнита».

— Одна, — сказала я наконец, просто чтобы заполнить это молчание чем-нибудь точным.

— Понятно, — сказал он.

И ничего больше. Я оценила это — или сказала себе, что

оцениваю, — хотя внутри что-то слегка дёрнулось, как нитка, которую потянули и тут же отпустили.

Не спрашивает. Хорошо. Меньше объяснять.

Андрей отпил кофе, поставил стакан, посмотрел куда-то мимо меня с таким видом, будто вспомнил что-то одновременно смешное и немного позорное.

— Слушай, — сказал он, — я тут месяца четыре назад взялся делать сайт для одного ИП. Мужик продавал рыболовные снасти. Я подумал: ну что там сложного, сделаю за неделю, возьму нормально.

— И?

— Я не умею делать сайты.

Я уставилась на него.

— То есть совсем?

— Ну, я умею открыть конструктор. И закрыть конструктор. И снова открыть. И загуглить «почему не работает кнопка», получить ответ на английском, закрыть вкладку, подумать, что разберусь потом.

— Ты взял деньги вперёд?

— Частично.

— Андрей.

— Я вернул, — сказал он с ударением. — Всё вернул. С извинениями. Мужик даже сказал «бывает». Оказалось, что у него племянник умеет.

Смех я не планировала — он просто случился, потому что это было глупо, и честно, и он рассказывал это без тени са-

мооправдания, просто как факт о себе, который ему самому немного удивителен.

— Ты хоть предупредил его заранее или дотянул до дедлайна?

— За три дня.

— Это не «заранее».

— Это лучше, чем в день сдачи.

— Это очень низкая планка.

— Я работаю над собой, — сказал он.

И что-то в том, как он это сказал — без защиты, без объяснений, как человек, которому не нужно казаться лучше, — сделало смех немного длиннее, чем я рассчитывала.

Стоп.

Я поставила стакан на стол и посмотрела на трещину в стекле.

Таня. Это просто кофе. Это человек, которого ты помнишь плохо и почти случайно. Ты расслабилась, потому что тут кардамон и вентилятор, и у него смешная история про сайт — но это не значит ничего. Ты умеешь держать дистанцию. Ты делала это три года, и у тебя хорошо получалось.

За окном проехал ещё один троллейбус. Девочка за соседним столиком что-то сказала маме, и мама наконец убрала телефон.

Я допила американо. Он был хороший — горький, без лишних привкусов.

Просто кофе.

* * *

Мы вышли из кофейни в четыре часа дня. Я точно помню, потому что посмотрела на телефон, когда дверь за нами закрылась, — и обнаружила, что мы просидели там час двадцать. Полчаса я рассчитывала на полчаса. Максимум.

Астрахань в середине лета в четыре пополудни — это не воздух, это плавленный асфальт, поднятый до уровня носа. Я надела очки, Андрей зажмурился и немного повёл плечом, как будто солнце его слегка обидело.

— Ну, — сказал он.

— Ну, — согласилась я.

Мы постояли секунду. На тротуаре мимо прошёл мужик с пакетом арбуза, свисавшего почти до земли.

— Слушай, — сказал Андрей, — давай как-нибудь ещё. Нормально так поговорили.

Он сказал это легко. Без паузы перед этим, без подготовки, без интонации «я очень надеюсь на твой ответ». Просто — как будто это само собой разумелось, как будто он не допускал варианта, что это могло быть последний раз, и это было бы в порядке вещей.

Слишком легко, — отметила я.

Такие люди меня всегда немного настораживали. Не те, кому всё безразлично — те хотя бы понятны. А те, кому, кажется, легко — кто улыбается вот так, без усилий, кто говорит «давай ещё» как «передай соль». Таких людей я замечала раньше. Такие люди хорошо начинают и плохо заканчивают

— не потому что злые, а потому что им, в общем, несложно начать что-то ещё. Следующий разговор, следующая кофейня. Им не больно уходить, потому что им нетрудно приходить.

Максим тоже улыбался вот так.

Мысль была нечестной, и я это знала. Андрей не был Максимом. Они даже внешне не похожи — Андрей выше, светлее, с какой-то необъяснимой угловатостью в жестах, как человек, который ещё не до конца договорился со своим телом. Максим всегда двигался уверенно. Максим всегда знал, где он, пока не оказывалось, что нет.

Но внутри я уже составляла список.

Слишком лёгкий. Слишком улыбается. Не умеет делать сайты и не умеет оставаться — это, скорее всего, из одной серии.

— Давай, — сказала я.

И достала телефон.

Мы обменялись номерами — он продиктовал, я добавила, он сохранил мой, хотя у нас и так были общие чаты ВКонтакте ещё с той далёкой эпохи, когда мы оба занимались акробатикой и считали, что Астрахань — это весь мир. Телефон — это другое. Телефон — это чуть ближе, чем хотелось бы думать.

Вежливость, — сказала я себе строго. *Ты дала номер, потому что иначе было бы странно. Ты не перезвонишь первой. У тебя есть ипотека, у тебя есть дедлайн по брендбуку,

у тебя есть жизнь, которую ты уже однажды разобрала по швам и сшила обратно. Ты не будешь первой.*

Подошёл автобус.

Не мой — я обычно хожу пешком, маршрут знаю как свой карман, — но оказалось, что мой. Тот самый, который идёт до Советской, сворачивает у парка и высаживает меня в двух кварталах от дома. Он подошёл раньше, чем следовало. Раньше, чем я рассчитывала что-нибудь ещё сказать — или не сказать, что тоже был вариант.

— Это мой, — сказала я.

— Ну, тогда удачи.

Я кивнула, перехватила сумку и пошла к дверям. Не оглянулась. Я приняла это решение примерно за секунду — твёрдое, аккуратное, правильное решение человека, который умеет держать дистанцию. Двери шипнули. Я протиснулась в проход между пожилой женщиной с кошёлкой и мужчиной в спецовке. Нашла поручень.

И оглянулась.

Он стоял у остановки — руки в карманах, смотрел на автобус. Когда наши взгляды встретились через стекло — мутноватое, в разводах от чьей-то ладони, — он улыбнулся. Не широко. Просто — как человек, которому не нужно прятаться.

Я отвернулась к окну.

За стеклом поплыли улицы — пыльные тополя, облезлая ограда, киоск с мороженым, старик на скамейке. Город, ко-

торый я знала наизусть, в котором у меня была ипотека и привычные маршруты, и не было привычки оглядываться.

Вот и всё, — сказала я себе. *Встретились, поговорили, разошлись. Это даже хорошо — что именно так. Без лишнего.*

Автобус качнуло на повороте. Женщина с кошёлкой что-то пробормотала. Мужчина в спецовке посмотрел в телефон. Сердце стучало чуть быстрее, чем должно.

Я уставилась на тополя за окном и попыталась вспомнить, сколько там было пунктов в брендбуке. Семь. Или восемь. Нужно было перепроверить шрифты — клиент просил что-то «современное, но солидное», что в переводе с клиентского означало примерно ничего конкретного, и разбираться с этим придётся завтра с утра.

Восемь пунктов. Шрифты. Дедлайн в пятницу.

Сердце не успокоилось. Но это ничего не значило. Это был просто жаркий день, слишком крепкий кофе и старый знакомый, который умеет рассказывать про сайты для рыболовных снастей.

Просто.

Глава 2. Ведьмак и первые заказы

Папка называлась «Подвисшее» — это я придумала название сама, потому что «Срочно», «Очень срочно» и «Со всем срочно» уже были заняты другими папками, и система перестала работать ещё в мае.

Сейчас был конец июля, в кабинете агентства гудел кондиционер, не справляясь ни с жарой, ни с моим настроением, а папка «Подвисшее» насчитывала семь макетов, которые Гена — наш штатный дизайнер, человек с тонкой душевной организацией и хроническим недосыпом — не успевал поднять со дна списка задач, потому что с самого утра переделывал логотип для клиента, который хотел «как у Apple, только с осётром».

Я открыла первый файл. Баннер для местного ювелирного. Три размера, простая вёрстка, ничего сложного — Гена сам говорил, что это займёт два часа, если не отвлекаться. Но Гена отвлекался. Гена всегда отвлекался, потому что параллельно у него была листовка для стоматологии, пост для МАХа какого-то фитнес-клуба и тот самый осётр.

Дедлайн по ювелирному стоял в четверг. Сегодня был вторник.

Я закрыла файл. Открыла следующий. Подумала, что можно отдать ювелирный на аутсорс, только вот аутсорс — это деньги, это согласование, это объяснять техзадание че-

ловеку, который первые три правки всё равно не поймёт. Я знала этот круг наизусть.

И тут всплыло.

Не то чтобы я думала о нём — нет. Я думала о баннере. О трёх размерах. О том, что у осётра вместо плавников почему-то были листья, и это была отдельная Генина история. Но где-то на периферии мозга, в той зоне, куда я принципиально не заглядывала, крутилось что-то вроде: *он говорил про Photoshop.*

Я захлопнула ноутбук — мысленно. В реальности просто отодвинулась на спинку кресла.

Андрей что-то там говорил про сайты. Про баннеры. Про Photoshop и то, что он делал — или не делал, или пробовал делать — во Волгограде. Я не очень запомнила детали, потому что тогда думала о кофе и о том, как скоро подойдёт автобус, но факт оставался фактом: он упоминал графику.

Это не повод писать, — сказала я себе совершенно спокойно.

Встала. Дошла до окна. Кондиционер за спиной продолжал героически бороться с астраханским летом и проигрывать по очкам. За стеклом — пыльная улица, тополь с обломанной веткой, маршрутка, которая остановилась не там и теперь мешала всем.

Телефон лежал на столе.

Я вернулась к столу. Взяла телефон — посмотреть время. Время было 14:47, и этот факт никак не относился к Андрею.

Положила телефон.

Открыла снова папку «Подвисшее». Ювелирный. Три размера. Простая вёрстка. Гена занят осётром. Дедлайн в четверг.

Это было бы деловое сообщение, — заметил кто-то внутри моей головы, голосом неприятно рациональным. *Чисто деловое. Рабочий вопрос человеку, который сам сказал, что ищет заказы. Ты бы написала любому другому фрилансеру — без всяких историй.*

— Он не фрилансер, — сказала я вслух, потому что в кабинете никого не было, и это ничего не стоило.

Пока не фрилансер.

Я взяла телефон.

Положила.

Взяла снова.

Внутри происходил торг, который я отказывалась квалифицировать как что-либо серьёзное. Это было скорее смешно — взрослая женщина с ипотекой, рекламным агентством за плечами и папкой «Подвисшее», которая разговаривает сама с собой у окна из-за одного сообщения. Я даже мысленно поставила это в ряд своих профессиональных достижений: умею вести переговоры, умею работать с трудными клиентами, умею не дописывать первой.

Последнее я умела. Я точно это умела.

Написала.

Коротко — три строки, почти официально, без лишних

слов. Что-то в духе: есть небольшой заказ на баннеры, если умеешь работать в фотошопе и тебе интересно — напиши, расскажу детали. Перечитала. Удалила «напиши», вставила «дай знать». Перечитала ещё раз. Отправила, пока не передумала снова.

Положила телефон экраном вниз.

Встала. Налила воды. Выпила. Вернулась к ноутбуку и открыла ювелирный баннер — смотреть на него осмысленно, как человек, у которого есть дедлайн и нет времени на ерунду.

Андрей ответил через три минуты.

Я знала, что через три минуты, потому что смотрела на экран всё это время.

Вот это меня и разозлило — спокойно, без особого драматизма, как злишься на себя за то, что съела лишнее печенье: ну зачем, ну знала же. Я отлично умею не смотреть на телефон. Я часами не смотрю на телефон, когда жду от клиентов правки, когда жду подтверждения счёта, когда жду чего угодно. Это профессиональный навык — спокойно ждать и заниматься своим делом.

Три минуты я смотрела на телефон, лежащий экраном вниз. Не моргала чаще обычного. Просто — смотрела. Как будто у меня не было никакого другого выбора.

Я перевернула телефон.

Конечно интересно. Что за баннеры, какой размер, когда нужно?

И всё. Никакого «привет», никаких восклицательных знаков. Просто — конкретные вопросы, деловые, как будто мы уже давно работаем и тратить время на церемонии незачем.

Я почувствовала что-то вроде облегчения, которое тут же захотела переименовать в профессиональное удовлетворение. Человек понял задачу с полуслова. Не начал с «оу, привет, как ты, рад был встретиться», не стал рассказывать про себя, не попытался превратить деловой вопрос во что-то другое. Просто — конкретно и по существу.

Хорошо.

Это хорошо.

Я написала про ювелирный, про три размера, про четверг, и добавила, что могу скинуть техзадание сегодня вечером. Нажала отправить. Положила телефон — на этот раз лицом вверх, потому что смысла прятаться больше не было.

За окном маршрутка наконец уехала. Тополь стоял как стоял. Кондиционер гудел.

Я вернулась к баннеру и позволила себе одну-единственную, совершенно нейтральную мысль: может, с дедлайном всё-таки успеем.

* * *

Техзадание я отправила в половину десятого — уже после ужина, после того как вымыла посуду и поняла, что всё равно пойду смотреть на ноутбук, так что лучше пусть это будет рабочий ноутбук.

Ничего особенного: три размера баннеров, ТЗ с примера-

ми шрифтов, референсы, которые согласовал клиент. Всё в папке, ссылка на Гугл.диск, пояснение, что золото на белом работает хуже, чем кажется, — это я добавила отдельно, потому что половина новых исполнителей первым делом лепит золотой текст на белый фон и удивляется, почему выглядит дёшево.

Андрей ответил через десять минут.

Понял. Можно уточнить — клиент хочет именно этот шрифт или это просто направление? Он немного жёсткий для ювелирки, обычно берут что-то с засечками.

Я посмотрела на экран. Потом на ТЗ. Потом снова на экран.

Это был хороший вопрос. Точный. Не «а как вам вообще нравится» и не «я сделаю как скажете», а конкретное наблюдение с конкретным объяснением. Я такое замечаю сразу — после двух лет работы с разными подрядчиками вырабатывается что-то вроде профессионального слуха: слышишь, когда человек смотрит на задачу, а не просто кивает.

Написала, что шрифт — направление, но клиент консервативный, резкие отходы не оценит. Пусть сделает два варианта: один близко к референсу, второй — своё видение, сравним.

Хорошо. Завтра к обеду пришлю.

Завтра к обеду — значит, утром сделает. Я знала этот ритм: «к обеду» у нормального человека означает «с утра пораньше, пока голова свежая».

Я закрыла ноутбук и легла. Жара никуда не делась — окно было открыто, но воздух за окном был такой же плотный и тёплый, как в комнате. Астрахань в июле — это особое искусство не думать о том, что дышать нечем.

Он прислал в половину двенадцатого следующего дня.

Не к обеду — раньше. Оба варианта, как договорились, плюс короткий комментарий к каждому: почему выбрал именно этот шрифт, на что ориентировался по цвету. Не «надеюсь, понравится», не «жду обратной связи». Просто — сделал, объяснил, дальше твоё слово.

Я открыла файлы.

Первый вариант — аккуратный, близко к референсу, чуть более тёплый оттенок золота, чем в ТЗ, но в пределах. Ничего лишнего. Второй — другой разговор: тот же продукт, но будто сфотографированный с другого угла. Шрифт с засечками, которые он упоминал, воздух между элементами, золото чуть холоднее. Живее.

Не идеальный — рамка чуть съехала, и один из размеров был явно сделан простым масштабированием без адаптации, что всегда видно. Но — живой. С каким-то внутренним решением.

Я написала ему список правок. Не «неплохо, но поправьте» — конкретно: рамка, адаптация размеров, один элемент убрать совсем, он тянет внимание не туда. Объяснила, почему по каждому пункту. Это занимает больше времени, чем просто написать «переделайте», зато потом не получаешь

пять итераций, в которых человек угадывает.

Андрей ответил: *Понял. Полчаса.*

Полчаса — и исправленный вариант в чате. Без вопросов «а так лучше?», без «я немного изменил ещё вот тут, вам нравится?». Просто — исправил по списку, прислал. Рамка на месте, адаптация сделана, лишний элемент пропал.

Я посмотрела на экран дольше, чем нужно было для профессиональной оценки.

Это называется «работать с правками», и это, как ни странно, редкость. Не потому что люди плохие — просто большинство воспринимает замечания как атаку на собственный вкус, начинают объяснять, почему они сделали именно так, торговаться за каждое решение. Понять их можно. Приятного всё равно мало. А тут человек прочитал список, сделал — и всё. Никакого драматизма.

Я написала ему, что второй вариант покажу клиенту как основной, первый — как альтернативу. Получила в ответ:

Окей. Кстати — вы знаете, что шрифт без засечек в ювелирной рекламе в девяносто процентах случаев это как Comic Sans в юридических документах?

Я посмотрела на это сообщение.

Потом на часы — было уже около восьми вечера, за окном стало немного прохладнее, хотя «прохладнее» в данном случае означало «тридцать вместо тридцати четырёх».

Улыбнулась. Не отреагировала на улыбку, просто заметила её, как замечаешь, что на улице пошёл дождь: факт, не

событие.

Написала: *Клиенту об этом не говорите.*

Конечно. Профессиональная тайна.

На этом, по всей логике, переписка должна была закончиться. Рабочий вопрос закрыт, следующий макет — в пятницу, всё понятно. Я открыла другую вкладку, посмотрела на следующий баннер в очереди.

Телефон лежал рядом. Экраном вверх — я перестала класть его вниз где-то часа два назад, просто потому что в этом больше не было смысла, который я могла бы себе объяснить.

Переписка не то чтобы продолжилась — она просто не закончилась. Ещё одно сообщение с его стороны, что-то про то, что второй шрифт он уже видел в рекламе конкурентов клиента, и это или проблема, или нет — пусть решает клиент, но лучше предупредить. Я ответила, что предупрежу. Он написал что-то ещё — уже совсем не по делу, коротко, лёгкое. Я ответила тоже коротко.

В какой-то момент я поняла, что лежу, а не сижу, и телефон у меня в руке, и за окном уже совсем темно.

Я не заметила, когда именно переписка сошла на нет — просто его последнее сообщение осталось без ответа, и моё последнее сообщение осталось без ответа, и это было нормально, потому что ни то, ни другое не требовало продолжения.

Я положила телефон. Экраном вниз — снова, по привыч-

ке или по принципу, уже не могла сказать точно.

За окном стрекотали цикады. Кондиционер в соседней комнате гудел на той же ноте, что и всегда.

Я закрыла глаза и подумала — совершенно нейтрально, как думаешь о прогнозе погоды — что с макетами, кажется, всё будет нормально.

* * *

Голосовое сообщение пришло во вторник, около полудня, когда я сидела в переговорке с остатками обеда и открытым, но незасмотренным ноутбуком.

Я нажала «воспроизвести» — по привычке, не подумав. Почему-то была уверена, что это будет короткое, рабочее. Вопрос про следующий макет или про формат файла.

Голос оказался другим, чем я его помнила.

Я не ожидала этого — что он окажется другим. Мы разговаривали на улице, мимоходом, в кофейне, где вокруг было шумно и я не слушала его голос отдельно от всего остального. А тут — только голос, наушники, пустая переговорка. Он говорил медленнее, чем в жизни. Мягче. Немного в нос, как будто сидел в комнате с закрытым окном. Слова немного растягивал на концах — не нарочито, просто так.

Он говорил про «Ведьмака».

Именно так. Не «кстати», не «ладно, переключусь на другое», а сразу, с места, будто мы уже полчаса разговаривали и это был следующий абзац. Начал три дня назад, говорил, не может остановиться, потерял вечер, потом ещё один, се-

годня встал на работу и обнаружил, что не ложился.

Я дослушала до конца, сидя прямо, и на последней фразе — *«я вообще не понимаю, как можно это ставить на паузу»* — что-то тихо, без предупреждения, во мне фыркнуло.

Не засмеялась — именно фыркнула, вслух, в совершенно пустую переговорку.

Год назад. Я прошла третью часть год назад, поздней осенью, когда за окном была темнота в пять вечера и я ела суп прямо у монитора. Тоже не могла остановиться. Тоже один раз не легла.

Я написала ему: *Это вы про «Ведьмака» три? Прошла год назад.*

Ответ пришёл через две минуты:

Три? Три вообще не то. Я про вторую.

Я посмотрела на это сообщение. Потом написала:

Вторая хуже.

Пауза. Потом:

Я не ослышался?

Третья лучше. Открытый мир, Турнир в Туссенте, Кровь и вино — это отдельный шедевр.

Кровь и вино слишком светлая. Во второй мрачнее, структурнее, ставки выше.

Я убрала ноутбук в сторону. Это был обеденный перерыв, формально я могла себе позволить.

«Мрачнее» не значит «лучше». Это распространённое заблуждение.

Это не заблуждение, это приоритет. Ведьмак — не про солнечные луга.

В третьей тоже нет солнечных лугов. Там чума, война и три концовки, ни одна из которых не счастливая.

Но Туссент при этом выглядит как откровение.

И?

И это раздражает.

Я засмеялась — тихо, уже осознанно — и написала:

Значит, вам нужна игра, которая не даёт передохнуть. Это другой разговор.

Потом он прислал голосовое — уже в ответ, явно на ходу, слышно было, как он идёт где-то. Аргументировал про вторую часть неожиданно серьёзно: говорил про нарративную структуру, про то, как работают моральные выборы именно там — без правильных ответов, только с последствиями, — и что третья часть, при всём её масштабе, немного теряет это ощущение, что ты не знаешь, чем кончится.

Я слушала, глядя в окно переговоров — там был коридор, кто-то прошёл мимо со стаканом кофе.

Он был неправ. Но аргументировал хорошо.

Я записала ответ сама — первое голосовое с моей стороны, что уже само по себе было каким-то решением, которое я предпочла не анализировать. Сказала, что моральные выборы без правильных ответов есть и в третьей, просто они менее очевидны, и именно это сложнее, а не проще. Добавила, что Туссент — это не слабость сценария, а намеренный

контраст, и если он его не считает как контраст, то, возможно, прошёл предыдущие главы слишком быстро.

Потом вышла из переговоров и поехала на встречу с клиентом.

Уже в метро, в вагоне, где народу было немного и можно было держать телефон в руке, пришло его следующее голосовое. Я нажала «воспроизвести» в наушники.

Он сказал, что это несправедливый аргумент — «ты просто не так прошёл» — и что это классический способ обесценить чужой опыт в споре.

Я засмеялась.

Не тихо. Нормально так засмеялась — на весь вагон, у меня вырвалось раньше, чем я успела это отменить. Кто-то рядом посмотрел. Я уставилась в телефон с совершенно невыразительным лицом, как будто читала биржевые сводки.

Убрала улыбку. Это просто разговор. Про игру.

Я написала ему: *Несправедливый — не значит неверный.*

Он прислал смеющийся смайл и больше ничего. До конца дня переписка была короткой, рабочей — он уточнил кое-что по следующему макету, я ответила, всё.

Вечером, когда я уже была дома и за окном стрекотали цикады всё на той же ноте, что и всегда, пришло длинное голосовое.

Я увидела длину — почти три минуты — и опустила телефон на стол.

Сидела и смотрела на него.

Первые два были про игру. Первое — короткое, рабочее. Второе — спор, живой, немного азартный с обеих сторон, но в пределах понятного. Это — три минуты. Три минуты — это уже не про Туссент.

Я знала, что если открою, это будет что-то другое.

Телефон лежал на столе экраном вверх, иконка мессенджера светилась. За окном было темно и тепло, и цикады не замолкали, и я сидела, не открывая, — просто держала это «не открыто» ещё немного, как будто пока оно не открыто, всё ещё можно считать, что сегодня был просто рабочий день.

* * *

Я открыла его всё-таки уже в постели — поздно, далеко за одиннадцать, когда выключила свет и лежала в темноте с телефоном, который светился в потолок. За окном цикады не замолкали, и в этой темноте и стрекоте было что-то почти успокаивающее.

Нажала «воспроизвести».

Голос шёл через наушники, тихий, близкий — как будто он был рядом, что само по себе было странным ощущением, и я его зафиксировала, и убрала в сторону.

Он говорил о девушке из Краснодара. Звали Лена — имя он произнёс один раз, мельком, не делая из него ничего. Рассказывал не как о потере. Не было там ни обиды, ни горечи — была какая-то тихая усталость, как от вещи, которая долго

не работала, и ты наконец это признал. «Я просто не понимал, чего хочу. Наверное, она это чувствовала. Люди всегда чувствуют, когда ты сам не знаешь. Это неприятное ощущение — быть рядом с кем-то таким».

Я лежала и слушала.

В темноте потолок был белым пятном, и я смотрела на него и думала — не про него. Про то, как это звучит изнутри. Не снаружи, не как история про него и Лену, а изнутри, в том месте, где это узнаётся.

Я знала это ощущение. Только с другой стороны.

Не то же самое — нет. Но похожее. Я была рядом с человеком, который не понимал, чего хочет, и это действительно чувствуется — сначала как лёгкое беспокойство, потом как сквозняк, потом как что-то, что уже нельзя не замечать. Максим не был плохим человеком. Он просто не знал, и пока он не знал, я пыталась быть достаточно определённой за двоих — и это не работает, это никогда не работает, и в конце концов это стало моей ошибкой тоже, а не только его.

Но я не стала думать об этом дальше. Засунула обратно, куда складываю всё, что незачем ворошить ночью в темноте.

Голосовое кончилось. Там ещё было несколько секунд тишины, потом щелчок.

Я держала телефон и думала, что ответить.

Можно было не отвечать сегодня — уже поздно, завтра с утра, это было бы разумно. Но пальцы сами нашли кнопку записи, и я сказала коротко, ровно, в темноту своей комнаты:

— Бывает. Главное — что ты сам понял.

Это была не мудрость. Это было единственное, что я могла сказать честно и без лишнего.

Отправила. Телефон лёг на грудь, я смотрела в потолок. Цикады стрекотали. Где-то далеко проехала машина.

Пришёл ответ быстро — он, видимо, тоже не спал. Текстом, не голосовым.

А ты когда-нибудь не понимала?

Я прочла. Прочла ещё раз.

Вопрос был прямой. Не агрессивный, не из желания задеть — просто прямой, и в этой прямоте было что-то, что не давало просто проскользнуть мимо.

Я начала печатать.

Да, было такое время, когда—

Стёрла.

Набрала снова:

Наверное, каждый проходил через это в какой-то момент.

Смотрела на это. Стёрла.

Это было уклонение, и мы оба бы это поняли.

Я лежала и смотрела на мигающий курсор — или что там мигает в мессенджере, иллюзию курсора, — и думала, зачем он спрашивает. Не из вежливости — в вежливых разговорах так не спрашивают. Из чего-то другого. Может, из того же, из чего я сидела и не открывала его голосовое полчаса: из ощущения, что за этим разговором есть ещё один разговор,

и оба знают об этом, и оба пока делают вид, что нет.

Я написала:

Понимала. Просто не всегда вовремя.

Отправила, пока не передумала.

Положила телефон экраном вниз на тумбочку. Закрыла глаза.

Сердце билось чуть быстрее, чем должно у человека, который просто поговорил с приятелем про игры и жизнь. Не сильно — не так, чтобы это было что-то важное. Просто заметно. Просто на одну-две удары в минуту больше, чем нужно для разговора ни о чём.

Я не стала это анализировать. Уже ночь.

Ответа не было — или я не проверила, — и в конце концов цикады сделали своё дело: монотонные, упрямые, совершенно не заинтересованные в моих внутренних переговорах с собой.

Я заснула.

* * *

Баннеры для застройщика прилетели в половину одиннадцатого — в смысле, техническое задание прилетело, само по себе ничего не прилетит, пока кто-то не сделает. Техническое задание с тремя форматами, пятью логотипами, цветовой схемой цвета «состоятельная тоска» и пометкой «нужно к пятнице».

Сегодня была среда.

Я сидела над этим ТЗ минут десять, прикидывая, кому

это отдать. У Ромы был завален конец месяца. Лена делала каталог. Фриланс-база у меня небольшая — три-четыре человека, которым я доверяла, но двое молчали уже сутки, что обычно означало «взяли другой заказ и забыли предупредить».

Был ещё Андрей.

Я открыла с ним переписку. Последнее сообщение было вчерашнее, моё, двенадцать ночи: *Понимала. Просто не всегда вовремя.* Он так и не ответил — или я не проверила, уже не помню. Утром переписка выглядела странно, как будто кто-то другой это писал, в другом режиме, когда циклады и темнота делают из обычного разговора что-то, чем он на самом деле не является.

Я написала коротко: есть срочный заказ, три баннера, пятница, вот ТЗ.

И поймала себя на том, что сделала это раньше, чем дочитала список других вариантов.

Вот это была честная пауза.

Я убрала телефон в сторону и вернулась к таблице. Потом снова взяла телефон. Положила. Встала, налила кофе, вернулась. Посмотрела в окно — там было жаркое астраханское утро, пыль на асфальте, кот на подоконнике напротив, которому было совершенно всё равно.

Факт был простой: с первым заказом он справился. Хорошо справился — без напоминаний, без истерик, почти без правок, если не считать одну итерацию по шрифту. Логика

была нормальная. Отдать ему второй — рабочее решение.

Но я написала раньше, чем дошла до этой логики. Вот в чём проблема.

Потому что мне хотелось снова переписываться, и это было раздражающее открытие — не ужасное, не трагическое, просто раздражающее, как когда замечаешь, что рефлекторно потянулась к телефону, и понимаешь, что это уже паттерн.

Я работала над своим.

Он ответил через двадцать минут: *Беру. Скинь исходники.*

Никакого торга. Никакого «а можно чуть больше времени» или «давай обсудим условия». Просто взял и пошёл работать.

Мы работали быстро.

Не то чтобы я специально это отслеживала, но к обеду стало понятно: объяснять ему стало проще. Он уже знал, что «чуть динамичнее» означает не «добавь анимацию», а «двигай элементы по диагонали, а не параллельно краю». Знал, что когда я пишу «проверь читаемость», я имею в виду белый текст на светлом фоне, а не вообще. Первый вариант пришёл в час дня — не идеальный, но в нужную сторону, и я написала правку в одно предложение, и он всё понял.

Это было... удобно. Неожиданно удобно.

Финальный вариант пришёл в четыре. Все три формата, файлы подписаны нормально, не «баннер финал ФИНАЛ используй этот», а нормально. Я открыла, проверила — всё чи-

сто, можно отдавать клиенту.

Я написала: *Принято, спасибо.*

И через полминуты пришло ещё одно сообщение.

Кстати, я дошёл до Скеллиге. Ты была права насчёт третьей части.

Я засмеялась. Вслух, в пустом кабинете, где кроме меня был только фикус и сломанный кондиционер. Фикус не отреагировал.

Скеллиге — это острова в «Ведьмаке», дикие, северные, с морем и драккарами и людьми, которые считают смерть в бою комплиментом. Мы спорили об этом три дня назад — я говорила, что третья часть игры держится именно на атмосфере, не на механике, и что Скеллиге — лучшее тому доказательство, а он говорил, что Новиград лучше, потому что там больше сюжетных развилоч.

Он дошёл. И признал.

Я написала:

Я же говорила.

Три слова. Абсолютно исчерпывающий ответ.

Положила телефон на стол и посмотрела в окно. Кот с подоконника напротив куда-то ушёл. Жара никуда не ушла.

Я сидела и думала о том, что у нас теперь уже два рабочих заказа и один незаконченный спор про открытый мир, и что он присылает финальные файлы и сразу же — про игру, как будто это один разговор, и для него, похоже, так и есть.

И для меня тоже, если честно.

Это была не деловая переписка. Деловая переписка так не устроена — в деловой переписке не бывает цикад и голосовых в полночь и «ты была права насчёт третьей части». Это было что-то другое, оно росло само, без особого приглашения, и я пока не знала, хочу ли я это останавливать.

Пока — не знала.

Это само по себе было ответом. Просто не тем, который я ожидала от себя в начале этого лета.

Глава 3. День рождения со свечкой

День рождения я узнала случайно.

Три дня назад он прислал голосовое — длинное, про то, что клиент наконец согласовал правки, и мимоходом, в самом конце, почти неразличимо: «...а завтра, в смысле через три дня, у меня день рождения, так что, может, успею до него всё сдать». Сказал — и тут же перешёл к следующей теме, как будто это ничего не значило. Как будто просто вставил в разговор, как вставляют информацию о погоде.

Я тогда послушала, написала что-то про правки и убрала телефон.

Но запомнила. Вот это и было странным: я запомнила.

Сейчас шла с работы, и жара никуда не делась — та же плотная, южная, прилипающая к спине под лямкой сумки. Асфальт пах нагретой смолой. Тени от акаций ложились поперёк тротуара неровными полосами, и я шла по ним, как в детстве ходят по трещинам — аккуратно, будто есть правила.

Кондитерская называлась «Мадлен». Я проходила мимо неё каждый день и почти никогда не заходила — потому что если заходить в такие места каждый день, то через месяц ни одна юбка не застёгивается, и это называется «проблема с самодисциплиной». Но сегодня я остановилась. Постояла секунду у витрины. Зашла.

Внутри было прохладно и пахло ванилью и чем-то горь-

ким — то ли кофе, то ли шоколадная глазурь. Витрина тянулась вдоль всей стены: эклеры с кремом и золотистой помадкой, тарталетки с ягодами, торт в три слоя с зеркальной поверхностью, макароны в шесть оттенков розового, пирожные с малиной — красные, аккуратные, с блестящим желе сверху.

Я стояла и смотрела на всё это секунд сорок.

Эклер или пирожное с малиной?

Эклер — классика, ни к чему не обязывает. Пирожное — выглядит нарядно. Хотя кто сказал, что оно вообще должно выглядеть нарядно? Это же не торт на юбилей, не свадебный каравай, не торжественное мероприятие с речами. Это просто... жест. Вежливый жест. Между коллегами, в общем-то.

Коллегами, — повторила я мысленно и внутренне засмеялась над собой. Мы не коллеги. Мы — я сама не знаю что. Он делает мне баннеры, а я ему объясняю, что «почитаемый» пишется без мягкого знака. Это вообще как называется?

Пирожное с малиной. Одно.

— Одно вот это, пожалуйста, — сказала я девушке за витриной. — В коробочку.

И уже когда она укладывала его в маленькую белую коробку с логотипом, я увидела у кассы подставку со свечками — тоненькие, разноцветные, по три рубля штука.

Взяла одну. Жёлтую.

Кассирша посмотрела на меня — на одно пирожное, на

одну свечку — и ничего не сказала. Но посмотрела с определённым выражением. Таким, которое можно было бы перевести как «ну-ну».

Я сделала вид, что не заметила.

На улице снова навалилась жара. Я шла к его дому — он снимал комнату в старой пятиэтажке на Савушкина, там с мая — и на ходу мысленно репетировала фразу. Лёгкую такую, необременительную. «Проходила мимо, смотрю — кондитерская. Ну и зашла». Или: «Случайно вспомнила, что у тебя сегодня, захватила по дороге». Или просто: «Держи, с днём рождения», и всё, и никаких объяснений.

Я репетировала это примерно на протяжении двух кварталов, и где-то на третьем наконец призналась себе, что это полная ерунда.

Потому что «Мадлен» — это не по дороге. Это в другую сторону от остановки, и от автобуса я специально вышла на квартал раньше, и потом специально свернула налево, а не направо. Это называется «крюк». Небольшой, минут на пятнадцать, но вполне осознанный.

Я сделала крюк ради одного пирожного с малиной и жёлтой свечки.

Это само по себе было информацией. Неудобной, прямолинейной информацией, с которой я пока не знала, что делать.

Коробочка была лёгкой в руке. Тёплой — не от жары, просто от ладони. Я несла её чуть осторожнее, чем нужно, сле-

дила, чтобы не накренилась.

И тогда, вот так, на ходу, совершенно не вовремя — всплыло.

Максим никогда не помнил моего дня рождения. Нет, он помнил сам день — двадцать третье апреля — но это было такое абстрактное знание, оторванное от какого-либо действия. Как знать, что Волга впадает в Каспийское море: знаешь — и молодец. Один раз он вспомнил в обед, когда я уже была на работе, и позвонил. Сказал «с днём рождения» и добавил, что вечером, наверное, задержится. Задержался. Я съела тогда половину торта, который купила себе сама, и выбросила остаток, потому что на следующий день он уже не казался праздничным.

Я не злилась тогда. Или злилась — и научилась не замечать этого. Одно из двух.

Воспоминание было острым — секунды три, не больше — и я его убрала. Сознательно, как убирают со стола лишнее перед работой: вот оно, вижу, достаточно, убираем.

Это не имело отношения к сегодняшнему дню. Это было вообще про другое и про другого человека. Сравнивать было нечестно — и, главное, незачем.

Я переложил коробочку в другую руку.

Впереди была его пятиэтажка — серая, с облупившейся краской на балконах и геранью в каждом третьем окне. Обычный дом. Жаркий июльский вечер. Одно пирожное с малиной и одна жёлтая свечка, которую я, если честно, со-

биралась зажечь — потому что какой смысл в свечке, которую не зажигают.

Я остановилась у подъезда и достала телефон.

Написала: *Ты дома?*

И пока ждала ответа, смотрела на своё отражение в тёмном стекле двери — немного растрёпанная после рабочего дня, с коробочкой в руке, в которой лежит одно пирожное.

Очень, очень небрежный жест, ничего лишнего.

Телефон завибрировал.

Да. А что?

Я убрала его в карман и потянула дверь.

* * *

Он открыл дверь раньше, чем я успела постучать второй раз.

Наверное, слышал лифт. Или шаги. Стоял в проёме в футболке и домашних шортах, волосы немного набок — явно не ждал гостей, это было написано на лице крупными буквами. Потом увидел меня, и что-то в его выражении сменилось. Не сразу. Сначала — секундное удивление, почти детское, а потом что-то другое, чему я не сразу нашла название. Тихое. Чуть серьёзнее, чем нужно для человека, которому принесли пирожное в понедельник вечером.

— Просто проходила мимо, — сказала я. — Вот.

Протянула коробочку.

Фраза, которую я репетировала от самой остановки — не вслух, конечно, просто прокручивала, отшлифовывала

до нужной лёгкости — повисла между нами и сделала что-то неожиданное: осела. Не то чтобы он скептически поднял бровь или усмехнулся. Он просто смотрел на меня, коробочку — снова на меня, и я вдруг отчётливо слышала собственные слова со стороны.

Просто проходила мимо.

Ага. С пирожным. В коробочке с ленточкой. К человеку, у которого сегодня день рождения.

Очень убедительно.

Он взял коробочку обеими руками — аккуратно, как будто внутри что-то хрупкое, хотя там было просто пирожное. Откинул крышку. Посмотрел на малиновый глянец, потом — на жёлтую свечку, воткнутую чуть криво, потому что серединка оказалась мягче, чем я рассчитывала.

Помолчал.

Я внутренне напряглась так, как напрягаются перед прыжком — ещё не прыгнула, но уже знаю, что обратной дороги нет.

— Ты помнила, — сказал он.

Не вопрос. Просто факт, произнесённый тихо, почти себе под нос. Как будто это было что-то, что он не рассчитывал обнаружить.

— Ты сам упомянул, — ответила я.

Пауза.

Он снова посмотрел на меня. Я видела, что он не принял это объяснение — не потому что собирался спорить, а про-

сто потому что мы оба понимали: «ты сам упомянул» и «я сделала крюк через полгорода» — это не одно и то же. Это даже близко не одно и то же.

Я, честно говоря, тоже не принимала это объяснение. Но молчала.

— Знаешь что, — сказал он, и в голосе появилась та лёгкость, которую я уже научилась узнавать — не поверхностная, а та, что появляется, когда человек решает не давить на болезненное место, — давай не дома. Давай на улице.

— На улице?

— Ну да. — Он поднял коробочку. — Поджечь свечку. Загадать нормально. Дома всегда чего-то не хватает — или сквозняк, или потолки низкие, или атмосфера не та.

Я хотела сказать что-нибудь разумное. Что уже поздно, что жарко, что свечка на улице всё равно задуетса от первого ветра. Что это немного странно — жечь свечку на ступеньках подъезда в июле.

Ничего из этого я не сказала.

— Ладно, — сказала я.

Он улыбнулся. Не широко, не торжественно — просто так, чуть в сторону, как улыбаются чему-то, что неожиданно оказалось хорошим.

Пока он шёл за зажигалкой, я стояла в дверях его квартиры и смотрела на спину в серой футболке, на стопку книг у стены, на экран ноутбука с каким-то запущенным видео, поставленным на паузу. Обычная жизнь, пойманная в случай-

ном кадре.

Я подумала: *я не должна была сюда приходить.*

Потом подумала: *но я пришла.*

Потом перестала думать, потому что он вернулся с за-
жигалкой — синей, облезлой, явно нашедшейся в кармане
куртки, — и сказал:

— Пошли.

И я пошла.

* * *

Детская площадка оказалась в двух кварталах — я знала
её смутно, проходила мимо иногда по дороге, не останавли-
ваясь. Сейчас, в половину девятого вечера, она была почти
пустой: только старые качели скрипели в такт слабому сквоз-
няку, который в Астрахани никогда не бывает прохладным
— просто тёплый воздух, чутьдвигающийся, как будто го-
род дышит через силу.

Асфальт ещё хранил дневное тепло. Пахло пылью и на-
гретым железом — это такой специфический астраханский
запах, который нигде больше не встретишь, или просто я ни-
где больше не жила достаточно долго, чтобы заметить что-
то похожее.

Андрей выбрал скамейку у песочницы — не самую даль-
нюю, но и не у фонаря. Серединку. Поставил коробочку
между нами, открыл крышку ещё раз, посмотрел на свечку.
Свечка смотрела обратно.

— Непростая задача, — сказал он задумчиво.

— Ты о чём?

— Ветер.

Я посмотрела. Никакого ветра не было — был тот самый тёплый сквозняк, которому бы поджечь свечку даже не пришло бы в голову. Но он оказался прав: первая попытка с синей облезлой зажигалкой дала крошечный огонёк, который тут же согнулся и погас.

— Давай.

Я не успела додумать эту фразу до конца — просто протянула ладонь и загрозила пространство вокруг свечки, инстинктивно, как загораживают спичку на ветру. Андрей поднёс зажигалку снова. Огонёк занялся — маленький, жёлтый, дрожащий в кольце моих пальцев.

Его рука оказалась рядом с моей. Не касалась — просто рядом, в нескольких сантиметрах, потому что он ещё держал зажигалку и убирать её раньше времени было нельзя. Я смотрела на огонёк и думала, что это, наверное, самое глупое, что я делала за последние полгода: стоять вот так, почти касаясь чужих пальцев, и делать вид, что меня это не интересует.

Огонёк выровнялся. Я опустила руку.

— Загадывай, — сказала я.

Он загадал молча. Я видела, как он смотрит на пламя — не торжественно, без показной серьёзности, просто тихо, как смотрят на что-то, что не нужно спугнуть. Потом задул. Свечка выпустила тонкую струйку дыма — прямую, как нитка, — и растворилась.

— Что загадал?

— Не скажу.

— Банально.

— Зато работает, — он поднял на меня взгляд. — Или ты из тех, кто всегда говорит? Из принципа?

— Из принципа — нет. Просто я загадываю то, чему не нужна конспирация.

— Значит, у тебя простые желания.

Я хотела ответить что-то остроумное. Не успела, потому что он смотрел на меня чуть дольше, чем требовала реплика, — ровно настолько, чтобы разговор перестал быть просто разговором. Я отвела взгляд первой. Посмотрела на погасшую свечку.

— Нож есть? — спросила я.

— Что?

— Пирожное делить.

Ножа не было. Мы справились пластиковой вилочкой из коробочки — криво, неровно, малиновый крем размазался по краям. Андрей достал телефон, повозился немного, и в пространство между нами тихо вышла музыка.

Я не сразу узнала. Потом узнала — «Космос». Скриптонит.

Он положил телефон на скамейку, экраном вниз, и звук стал чуть глуше, как будто доносился из-под земли или из соседней комнаты через закрытую дверь.

Мы ели пирожное молча. Малина была кисловатой, крем

— слишком холодным, как бывает, когда долго везёшь в коробке. Качели продолжали скрипеть. Где-то за домами переговаривался телевизор чьей-то открытой лоджии.

Я думала, что надо уходить. Я думала об этом примерно с того момента, как он открыл дверь и посмотрел на коробочку, и с каждой минутой поводов стать больше не становилось — только меньше.

Это странно хорошо, — подумала я.

Не «нормально». Не «приятно». Именно *хорошо* — тихое, необъяснимое, немного похожее на то чувство, когда возвращаешься домой после долгой поездки и обнаруживаешь, что всё на месте. Хотя мы сидели на чужой скамейке у чужой песочницы, и вообще ничего из происходящего не имело отношения к «дому» ни в каком смысле.

Это меня и беспокоило.

Мне нравилось слишком сильно. Слишком конкретно. Не абстрактно — «приятный вечер», «приятная компания» — а именно вот это: его плечо в полуметре от моего, синяя зажигалка, засунутая обратно в карман джинсов, музыка чуть тише, чем нужно, чтобы слышать её нормально.

Не надо, — сказала я себе. Спокойно, почти по-деловому, как говорят «не надо» на редакционной правке, когда видят лишнее.

Не надо — что именно?

На это я не ответила.

Андрей дожевал свою половину, посмотрел на телефон и

чуть увеличил громкость — совсем немного, на одно деление. Голос из динамика стал чуть отчётливее, чуть ближе.

— Ты знаешь этот альбом? — спросил он.

— «Аристократия»? Слышала пару треков.

— Мне кажется, этот лучший.

Я не стала спорить. Не потому что согласилась — просто потому что в этот момент мне было совершенно всё равно, какой трек лучший. Я слушала, как качели скрипят в такт чему-то своему, и смотрела на дорожку фонарного света, которая ложилась на асфальт косой полосой и упиралась в бортик песочницы.

Астрахань летом пахнет пылью и немного — рекой, хотя до реки отсюда идти и идти. Я выросла с этим запахом и перестала его замечать давно. Сейчас заметила.

Это потому что ты обращаешь внимание, — сказала я себе. *На всё сразу. Это не про запах.*

Музыка играла.

* * *

Трек кончился.

Не плавно — просто оборвался, как обрывается иногда разговор, когда обе стороны вдруг понимают, что уже сказали главное. Тишина после него была плотной, почти осязаемой, и в этой тишине особенно ясно были слышны качели и чей-то далёкий телевизор.

Андрей не убрал телефон.

Я смотрела на бортик песочницы и думала о том, что надо

бы сказать что-нибудь нейтральное. Про музыку. Про то, что уже почти десять, и рано вставать. Слова были все готовы — аккуратные, безопасные, — но что-то в воздухе не давало их произнести. Как будто пространство между нами уже решило что-то, не спросив меня.

Сейчас что-то произойдёт, — поняла я.

Это было не предчувствие — скорее простое, почти физическое знание, как знаешь, что сейчас прольётся дождь по тому, как изменился запах воздуха. И я ещё не решила: хочу ли я, чтобы оно произошло.

— Таня, — сказал Андрей.

Он произнёс это тихо. Не как вопрос и не как окликание — просто имя, само по себе, будто проверял, есть ли оно здесь. Я не повернулась сразу.

— М?

— Я всю неделю думал о тебе. — Пауза. — Не как о человеке, который даёт мне заказы.

Я наконец на него посмотрела.

Он смотрел не на меня — на фонарный столб напротив. Профиль, немного напряжённый, ямочка на щеке сейчас почти не видна. Руки лежали на коленях — спокойно, но слишком уж спокойно, как лежат руки, когда их специально держат неподвижно.

Сердце сделало что-то странное и неловкое. Не «сжалось» — это слишком красивое слово. Скорее запнулось, как спотыкаются на ровном месте, когда не ожидаешь ступеньки.

— Это сложно, — сказала я.

Слова вышли сами — раньше, чем я успела выбрать другие. Правильные слова. Взрослые слова про рабочую коммуникацию и про то, что смешивать одно с другим — плохая идея, и я это знаю по опыту, и вообще.

— Мы работаем вместе, — добавила я на всякий случай, как будто он забыл.

Андрей медленно повернул голову. Посмотрел на меня. Не с обидой, не с иронией — просто смотрел, и в этом взгляде было что-то такое прямое, что мне захотелось отвести глаза.

— Ты сама в это веришь?

Тишина.

Не долгая — секунды три, может четыре. Но из тех секунд, в которые умещается очень много. Я слышала качели. Слышала, как где-то за домами проехала машина.

Нет, — честно ответила я себе.

Вслух я не сказала ничего.

Это тоже было ответом, и мы оба это знали. Андрей не стал ловить меня на молчании, не усмехнулся, не сказал «ну вот». Просто смотрел — терпеливо, что ли. Как смотрят на что-то, о чём уже решили и теперь просто ждут подтверждения.

— Я хочу попробовать, — сказал он тихо. — По-настоящему. Если ты тоже.

Если ты тоже.

Четыре слова, и в них — никакого давления. Именно это было неожиданным. Не ультиматум, не игра. Просто — вот, я сказал. Теперь ты.

Я смотрела на его руки на коленях. На синий краешек зажигалки, торчащий из кармана. На пластиковую коробочку у скамейки, в которой остался последний кусочек малины, который никто не взял.

Внутри было всё одновременно. Страх — конкретный, узнаваемый, с именем и адресом: *ты уже знаешь, чем это заканчивается, ты уже проходила это*. И что-то другое — тёплое, неудобное, отказывающееся уместиться в слово «симпатия». Что-то, что началось, наверное, ещё тогда, в кофейне, когда он смотрел на меня и не пытался казаться кем-то, кем не был.

Я не хотела этого называть. Если назвать — станет настоящим. Если станет настоящим — можно потерять.

Андрей не торопил.

Это отдельно выводило меня из равновесия — он просто сидел рядом в этой июльской тишине, и не торопил, и не заполнял паузу разговором, и ждал. Без напряжения, без демонстративного терпения. Просто ждал, как ждут, когда доверяют.

Я не сказала «да».

Я не сказала «нет».

Я сидела рядом с ним и не уходила, и мы оба слышали, как скрипят качели, и я знала, что это тоже ответ.

* * *

Он наклонился медленно.

Не резко — вот что я запомнила первым. Не как в кино, когда двое вдруг оказываются близко и уже всё решено. А медленно, как будто давал мне время. Передумать, отодвинуться, сказать что-нибудь умное про рабочую коммуникацию. Вариантов было достаточно. Я не воспользовалась ни одним.

Просто не отстранилась.

И он это заметил — по тому, как выдохнул чуть тише, по тому, как его плечо слегка подалось вперёд, — и тогда уже всё.

Поцелуй был тихим. Коротким. Таким, что я не успела испугаться в правильный момент — только потом, на долю секунды позже, когда всё уже случилось.

Я зафиксировала запах его кожи — что-то свежее, совсем простое, без претензий. Тепло его губ. Скрип качелей где-то справа — лёгкий, ритмичный, будто кто-то невидимый раскачивается в темноте. Июльский воздух на коже, который был тёплым даже вечером. Гул далёкого двора.

Мой мозг в этот момент работал с какой-то смешной педантичностью — методично складывал детали, как будто готовил отчёт. Запах. Тепло. Качели. Скорее всего это называется шок, только очень вежливый.

Потом мы отстранились.

Андрей посмотрел на меня. Молча. Без вопроса вслух —

но вопрос был, и мы оба его слышали. Не «что ты думаешь», не «тебе понравилось» — что-то проще и сложнее одновременно. Что-то вроде *вот, я здесь. Ты тоже здесь?*

Вот и всё, — сказала я себе.

Не как приговор. Скорее как констатация. Точка на карте — отсюда начинается другая территория, и я уже сделала шаг, и назад дороги нет, потому что назад — это только притворяться, что шага не было, а притворяться я не умею. Пробовала. Не выходит.

Он всё смотрел.

Я подумала, что должна что-нибудь сказать. Что-нибудь честное или хотя бы осторожное. У меня был целый арсенал осторожных фраз — я их собирала года три, методично, после того как Максим окончательно научил меня, что слова «всё будет хорошо» не означают, что всё будет хорошо. Что-нибудь про «давай не торопиться». Про «я не уверена». Про «нам стоит подумать».

Ни одна не вышла.

Я не встала. Не отодвинулась. Не произнесла ничего из заготовленного. Просто сидела рядом с ним в этой тёплой, чуть пыльной астраханской ночи и не знала, что из того, что я сейчас чувствую, сильнее.

Страх — был. Конкретный, уже знакомый, с характерным вкусом. Не абстрактное «а вдруг», а что-то более прозаичное: *ты уже знаешь, как это бывает, когда хочешь верить и веришь, и потом оказывается*. Я знала. Я помнила. Тело

помнило отдельно от головы — какой-то мышечной памятью, которую не стряхнуть усилием воли.

И всё равно — было ещё что-то. Тёплое, неудобное, упрямо не помещающееся ни в одну безопасную категорию. Что-то, что началось, наверное, давно — может, тогда в кофейне, когда он смотрел на меня без попытки казаться лучше, чем есть. Может, раньше. Я не хотела считать с какого момента, потому что если считать — придётся признать, что это не случайность.

Андрей тоже не говорил ничего.

Это было странно правильно. Он просто сидел рядом — плечо к плечу, совсем близко, — и тоже смотрел на пустую площадку. На качели без детей. На фонарь, который гудел чуть заметно и бросал жёлтый круг на асфальт. На всю эту обычную дворовую ночь, которая ничем не отличалась от тысячи других июльских ночей в Астрахани, кроме того, что в ней только что произошло кое-что необратимое.

Необратимое — плохое слово. Пугающее. Но другого не было.

Я чувствовала тепло его плеча через ткань. Не специально — просто так вышло, что мы сидели близко, и расстояние между нами стало другим, и это тоже было зафиксировано тем же педантичным внутренним регистратором.

Где-то за домами тихо проехала машина.

Качели скрипнули — ещё раз, сами по себе, от ветра.

Я не знала, что будет дальше. Честно — совсем не знала.

Не было ни плана, ни понимания, как это всё теперь устроено, ни уверенности, что я не пожалею. Была только эта скамейка, и этот вечер, и его плечо рядом, и странное, почти неприличное ощущение, что вот так — просто сидеть и не убегать — тоже можно.

Наверное, этого пока хватало.

* * *

Домой я пошла пешком.

Можно было вызвать такси — обычно я так и делала в это время суток, потому что, когда лень думать о том, куда поставить ноги, лучше пусть кто-то другой следит за дорогой. Но сегодня я хотела именно это: идти. Самой. Медленно. Дать ногам работу, чтобы голова немного отдышалась.

Астрахань в июле ночью пахнет пылью и акацией. Кто-то, может, нашёл бы в этом сочетании что-то унылое — пыль же, — но я всю жизнь в этом запахе и успела к нему привыкнуть, как привыкают к голосу родственника: не замечаешь, пока его нет. Фонари вдоль дороги горели жёлтым, неярким, привычным. Асфальт немного отдавал накопленное за день тепло. Где-то в ветках тополя что-то шелестело — не ветер даже, просто ночь устраивалась поудобнее.

Я шла и слышала, как внутри продолжает крутиться одна фраза.

Я хочу попробовать. По-настоящему.

Вот так он и сказал. Просто. Без длинных предисловий, без красивых поворотов, которые потом жалеешь что вспо-

минаешь. Хочу попробовать по-настоящему — и всё. Как будто это достаточная и единственная формулировка, которую нужно было произнести.

Странно, что фраза не пугала. Я ждала страха — вот прямо наблюдала за собой сбоку и ждала, когда он подскочит. Он должен был. У меня на подобные формулировки выработан чёткий рефлекс: слышу «по-настоящему» — жди подвоха. Это не паранойя, это статистика. Моя личная, выборка небольшая, но репрезентативная.

А он не подсказывал. Вместо него внутри сидело что-то другое — тихое, немного растерянное, похожее на любопытство. *Интересно.* Не «ой, не надо», а именно — *интересно, что из этого выйдет.* Как будто кто-то поставил на стол коробку, которую ты давно не открывала, и ты ещё не решила, что внутри, но уже тянешься к крышке.

Это меня, пожалуй, удивило больше, чем сам поцелуй.

На повороте к моему дому я замедлила шаг и подумала про Максима. Не захотела — само всплыло, как всплывает что-то тяжёлое, если долго идёшь по дну. Я не злилась. Даже боли не было, той острой, которая была первые полтора года. Было другое: тихое, предупредительное, как знак на дороге, который ставят не чтобы напугать, а чтобы водитель не расслаблялся раньше времени. *Осторожно. Ты уже думала, что знаешь человека. Ты уже думала «по-настоящему» и оказывалась неправа.*

Справедливое напоминание. Я его приняла, кивнула

внутренне и пошла дальше.

Потому что Максим — это Максим, а не Андрей. Путать их было бы одновременно нечестно и глупо. Я не хотела быть ни нечестной, ни глупой — по крайней мере, не в одну ночь.

Дверь в квартиру открылась с привычным щелчком. Я вошла, сняла кеды прямо у порога, не включая свет. Прошла на кухню — тоже в темноте. Села на табурет у окна.

В квартире было тихо и чуть прохладнее, чем на улице. За окном — тот же фонарь, тот же июль, та же Астрахань, которая ничего не знала о том, что произошло на детской площадке с облупившимися качелями.

Я сидела и думала, что технически — ничего не произошло. То есть я ничего не пообещала. Ничего не сказала вслух. Не произнесла ни одного слова, которое потом можно было бы предъявить. Если завтра утром я решу, что это была просто июльская слабость, странный вечер и хорошее пирожное, — кто мне что скажет? Никто. Никаких обязательств. Никаких записей в протоколе.

Я могла сделать вид, что ничего не было.

Сидела с этой мыслью ещё минуту. Может, две. Проверила, как она ощущается. Похожа ли на выход.

Не была похожа.

Вздыхнула. Взяла телефон.

Экран загорелся — и в уведомлениях уже лежало его сообщение. Пришло, видимо, пока я шла. Просто смайлик. Никакого текста. Никаких объяснений. Просто луна.

Я смотрела на неё, наверное, дольше, чем следует смотреть на один символ в мессенджере. Дольше, чем это разумно. Думала: это же почти ничего. Один значок. Люди посылают смайлики просто так, это не означает ничего особенного, это вообще не аргумент ни за что и ни против.

А потом написала в ответ такую же луну.

Положила телефон экраном вниз на стол.

И улыбнулась — в темноту, в никуда, в весь этот невидимый июльский воздух кухни.

Глава 4. Под одной крышей на три ночи

Утром смайлик луны был всё там же.

Я не убрала переписку на ночь — просто положила телефон рядом, экраном вверх, как будто это что-то меняло. Проснулась в семь, рука сама потянулась к экрану раньше, чем я успела подумать. И увидела: луна, луна — его и моя, в ряд, как две маленькие монеты.

Ничего нового он не написал. Я тоже не написала.

Хорошо. Нормально. Так и должно быть.

Я встала, включила чайник и решила, что буду вести себя разумно.

Разумно — это значит: душ, кофе, рабочие таблицы, звонок Олесе насчёт макетов для «Каравана». День рождения Андрея уже вчера, это был приятный вечер, и точка. Взрослые люди вполне способны вести нормальную профессиональную коммуникацию после совместно съеденного пирожного.

После поцелуя, тихо добавил кто-то внутри.

— После пирожного, — сказала я вслух, и кот Барсик покосился на меня с подоконника с таким видом, что я почувствовала себя неловко перед котом.

На работу я опоздала на двенадцать минут — не катастро-

фа, но неприятно, потому что я всегда прихожу вовремя. Пока шла, два раза вытащила телефон без причины и один раз чуть не наступила на бордюр. В переписке по-прежнему было тихо. Я убрала телефон в карман с чувством человека, который честно пытается.

За рабочим столом стало чуть лучше. Открыла Excel, сводную по рекламным размещениям за июнь, поставила курсор в нужную ячейку — и примерно через минуту поняла, что смотрю на цифры, но считаю в голове совсем другое.

Шесть лет разницы. Это не так много. Это вообще ничто, если подумать — взрослые люди, не студенты.

С другой стороны: нестабильная работа. То есть пока — нестабильная. Заказы по макетам, которые я же ему и подкинула, это не карьера, это затычка. Но человек явно не бездельник — видно же, как он вникает, как не ленится переспросить, если что-то непонятно. Это что-то значит, или я себя обманываю?

Обманываешь, сказал внутренний голос.

Нет, не обманываю, ответила я ему. Это объективная оценка.

И тут же вспомнила Максима.

Не хотела — само пришло, как всегда, в самый неподходящий момент. Максим тоже был обаятельным. Максим тоже умел смотреть именно так, чтобы казалось: вот, наконец, человек, который тебя видит. Я тогда думала, что умею разбираться в людях — у меня была работа, логика, здравый

смысл. А потом оказалось, что здравый смысл очень удобно отключается, когда хочется верить.

Я остановила эту мысль.

Подождите. Это нечестно — брать одного человека и мерить им другого только потому, что оба мужчины и оба нравились мне в разное время. Андрей не Максим. Андрей вообще другой — он рассказывает о Лене без горечи, без попыток выглядеть жертвой, просто говорит «расстались, обоим было непросто» и всё. Максим никогда не признавал, что ему было непросто. Максим всегда был прав, а все вокруг — нет.

Это не одно и то же.

Хотя — снова этот голос — именно так люди и думают в начале.

Я закрыла Excel, открыла снова, закрыла.

Встала, сходила к кофемашине, налила себе второй кофе, хотя обычно пью один. Постояла у окна с кружкой в руках и посмотрела на июльскую улицу — жаркую, белёсую, с пыльной листвой акаций. Обычный рабочий день. Всё то же самое.

Только где-то в этом же городе ходит человек, который вчера вечером поцеловал меня на детской площадке.

Я отпила кофе.

Ладно. По-честному: я не могу убедить себя, что это плохая идея. Вот в чём проблема. Я пробую — раскладываю всё на составляющие, считаю риски, вспоминаю, чем закончил-

ся прошлый раз, когда я перестала слушать голос осторожности, — и всё равно где-то на дне этого анализа сидит маленькое упрямое что-то и говорит: *но он помнил, как тебя зовут твою кошку. Он не торопил. Он отправил луну.*

Логика этого аргумента нулевая. Я это понимаю.

Он отправил смайлик. Это не диплом и не рекомендательное письмо.

И всё равно.

Я вернулась к столу, открыла рабочий чат с Олесей и написала про макеты. Олеся ответила через минуту голосовым — три минуты про клиента, который снова передумал насчёт шрифта, потом пауза, потом: *«Таньк, ты как вообще? Ты вчера куда-то убежала после пяти».*

— Никуда не убегала, — сказала я телефону.

Но на голосовое не ответила. Написала просто: *«Всё ок, позвоню после обеда»*.

До обеда я сделала всё, что планировала — таблицы, письмо клиенту, правки в презентацию. Работала нормально, почти не отвлекалась. Почти — потому что примерно раз в сорок минут мысль возвращалась, как вкладка браузера, которую не закрываю: детская площадка, тёплый июльский воздух, его рука на моём запястье, и ощущение, что за секунду до этого поцелуя я точно знала, что нужно сделать шаг назад, — и не сделала.

И не жалею. Вот что странно.

Совсем не жалею.

В обед я сидела с бутербродом и думала, что, наверное, самое честное — это просто пока ничего не решать. Не давать себе торжественных обещаний в обе стороны. Не говорить «с этого момента мы встречаемся» и не говорить «это была ошибка, забудем». Просто — посмотреть. Жить дальше. Не загадывать на три хода вперёд, как будто это шахматная партия, где нужно продумать все варианты до конца.

Я не умею не продумывать.

Но можно попробовать.

Я убрала обёртку от бутерброда, допила остывший кофе и открыла новую вкладку с макетами. За окном Астрахань плавилась в своём обычном июле, и никто вокруг не знал, что я только что приняла очень важное решение — а именно, что никакого решения пока нет. И что это, возможно, нормально.

Телефон я положила в ящик стола. Экраном вниз.

Почти до пяти не доставала.

* * *

Звонок прозвенел в половину девятого.

Я как раз заканчивала мыть посуду после ужина — тарелка из-под гречки, кружка, ложка — и думала о том, что завтра нужно перезвонить Олеся и придумать что-нибудь правдоподобное про вчерашний вечер. Что-нибудь нейтральное. Не «я была на детской площадке с Андреем и он меня поцеловал», потому что это звучит как начало очень плохой истории или очень хорошей, и я пока не знаю, которой именно.

Звонок повторился.

Я вытерла руки о полотенце, пошла к двери и посмотрела в глазок.

За дверью стоял Андрей. С чемоданом.

Не с маленьким — с нормальным таким, колёсным, серым. Тем самым, в который помещается недели на две. Рядом с чемоданом стояла сумка через плечо. Сам он смотрел куда-то чуть в сторону от двери, и вид у него был такой, словно он всю дорогу репетировал нужные слова, а теперь они куда-то делись.

Я открыла дверь.

— Привет, — сказал он.

Улыбка у него была виноватая. Та самая, которую я уже успела заметить: правый уголок чуть выше левого, и в ней одновременно извинение и надежда, что извинение примут.

— Привет, — сказала я и посмотрела на чемодан. Потом на него. — Ты переезжаешь?

— Нет. Я... — Он помолчал. — Поссорился с мамой. Она сказала, что если я не уберу свои «профессиональные амбиции» из общего разговора, то пусть я их вместе с собой и уберу куда подальше. Я убрал.

— Буквально.

— Ну.

Я стояла в дверях и смотрела на него. В груди было что-то такое — не сострадание и не раздражение, а странная их смесь, в которой я не сразу разобралась. Он был помятый.

Не внешне — внешне всё нормально, джинсы, футболка, волосы как обычно, — а как-то изнутри. Словно из него временно вынули внутренний каркас.

Таня, — сказала я себе, — *он стоит под твоей дверью с чемоданом через день после того, как поцеловал тебя на детской площадке. Это слишком быстро. Это вообще-то совсем не то, что ты хотела.*

Всё правильно. Я так и думала.

Только дверь перед его лицом я всё равно не закрыла.

— Заходи, — сказала я. — Но сначала — сколько ночей?

— Пару. Максимум три. Я честно.

— Хорошо. Тогда слушай.

Он зашёл, поставил чемодан в прихожей и обернулся ко мне с таким видом, словно был готов слушать государственный гимн, лишь бы ему позволили остаться.

— Диван, — сказала я. — Бельё я дам. Ванная с семи до восьми утра моя, после восьми — твоя. Завтрак сам, я не готовлю по утрам. Рабочий стол у меня в спальне, туда не заходить вообще никогда и ни при каких обстоятельствах. Кошки могут к тебе приходить, это их решение, не моё. Ключи не даю — если нужно выйти, пока меня нет, скажи заранее, договоримся.

Андрей слушал серьёзно. Кивал на каждый пункт, как на совещании.

— Принято, — сказал он, когда я замолчала.

— Всё?

— Всё.

— Без уточняющих вопросов?

— Ну, — он чуть помедлил, — один. Кошки — это которая из двух?

— Обе, — сказала я. — Ньюша будет игнорировать тебя трое суток, потом начнёт ходить следом. Марси сядет на тебя через двадцать минут. Это не обсуждается, они сами решают.

— Понял, — сказал он совершенно серьёзно.

Я смотрела на него и думала: он согласился на всё слишком быстро. Без торга, без «ну а можно я всё-таки», без единого «но». Это должно было успокаивать. Вместо этого почему-то слегка настораживало — как человек, который заранее готов на любые условия, потому что уже решил: потом разберётся.

Или я просто слишком привыкла ждать подвоха там, где его нет.

— Чай будешь? — спросила я.

— Если не сложно.

— Несложно, — сказала я и пошла на кухню, потому что надо было чем-то занять руки.

Пока закипал чайник, я слышала, как он в прихожей разбирается с чемоданом — аккуратно, без грохота, — и думала, что в квартире уже стало как-то иначе. Не плохо. Просто иначе. Как будто кто-то тихо сдвинул мебель на сантиметр, и всё стоит на месте, а пространство уже не то.

Мы пили чай почти молча. Он рассказал про ссору — коротко, без подробностей, только контур: мать хотела, чтобы он остался работать здесь, на понятном, на безопасном, а он сказал, что у него другие планы, и она решила, что это звучит как неблагодарность. Я не спрашивала лишнего. Он не объяснял.

В какой-то момент он посмотрел на меня и сказал:
— Спасибо, что пустила. Я понимаю, что это странно.
— Немного, — согласилась я.
— Я быстро. Три ночи.
— Ты уже говорил.

Он кивнул и опустил взгляд в кружку.

Я убрала посуду, вынесла ему бельё, показала, где полотенца. Он застелил диван сам, без просьбы, аккуратно. Марси тут же запрыгнула и стала ходить по подушке. Андрей посмотрел на неё, потом на меня.

— Двадцать минут, говоришь?

— Я её знаю, — сказала я.

Я пожелала ему спокойной ночи и закрыла дверь спальни. Постояла у неё секунду — прислушиваясь не к звукам из комнаты, а к себе самой.

Три ночи, — подумала я. — *Я справлюсь.*

Нюша сидела на кровати и смотрела на меня с тем выражением, с которым кошки обычно говорят: *сама виновата*.

— Молчи, — сказала я ей тихо.

Она отвернулась к стене.

* * *

Он проснулся раньше меня.

Это я поняла ещё в коридоре — по запаху кофе, который просочился под дверь спальни и добрался до меня раньше, чем будильник. Нюша к тому моменту уже ушла — видимо, тоже на запах.

Я вышла на кухню в футболке и трениках, с волосами, которые успели сделать за ночь что-то необъяснимое с правой стороной. Андрей стоял у окна со своей кружкой. На подоконнике лежал телефон. Марси сидела у его ног и смотрела на него снизу вверх с выражением, которое у неё обычно означает «ну и где обещанная колбаса».

— Доброе утро, — сказал он.

— Угу, — сказала я и полезла за кружкой.

Кружки стояли не так.

Я несколько секунд смотрела на полку, пытаюсь понять, что именно изменилось. Потом поняла: они стояли по размеру. Слева — маленькие эспрессо, которыми я никогда не пользуюсь. Справа — большие. Посередине — средние. Как в магазине. Как в каталоге посуды.

— Ты переставил кружки, — сказала я.

— Так удобнее искать.

Я взяла свою — ту, с облупившимся котом, которая по его классификации, видимо, попала в «средние», — и налила себе кофе из турки. Кофе был хороший. Это я тоже зафиксировала.

— Спасибо за кофе, — сказала я.

— Пожалуйста.

Мы помолчали. Марси перешла с его ног на мои.

— Перебежчица, — сказал Андрей без обиды.

— Я же говорила.

День шёл своим ходом. Я работала из дома — звонки, правки, таблица с дедлайнами, которую я ненавидела с одинаковой силой каждый понедельник. Андрей пристроился в гостиной с ноутбуком, не мешал, не лез с разговорами. Почти идеальный сосед по квартире.

Почти.

В какой-то момент я встала за чаем и краем глаза увидела, как он поднялся следом, прошёл в спальню и выключил там свет. Я не просила. Я вообще не была в спальне — просто оставила включённым, потому что собиралась зайти. Он вышел обратно с совершенно нейтральным лицом.

Я не сказала ничего.

Примерно через час он прошёл мимо, когда я стояла у окна с бутербродом и смотрела в телефон.

— Ешь нормально, — сказал он мимоходом.

— Я ем нормально.

— За столом.

— Я взрослый человек, — сообщила я.

Он пожал плечами и ушёл обратно. Я осталась стоять у окна с бутербродом, потому что принципиально не хотела этого признавать, но внутри уже щёлкнуло что-то маленькое

и неприятное. Не злость. Что-то тише.

Он не спрашивает. Он просто делает.

Кружки по размеру. Выключенный свет. Бутерброд за столом. Всё это по отдельности — ерунда. Вместе — паттерн. Я знала это слово с тех пор, как после развода прочла слишком много правильных книг о неправильных отношениях. Паттерн — это когда маленькое складывается в большое, а ты замечаешь только тогда, когда оно уже большое.

Я доела бутерброд у окна. Принципиально.

Вечером мы ужинали вместе — он сварил макароны, я сделала салат, получилось почти по-домашнему, почти как будто так и надо. Разговаривали о работе, о том, что он завтра идёт на какое-то собеседование, о том, что в городе открылась новая кофейня и там, говорят, нормальные круасаны, что для Астрахани почти сенсация.

— Ты до которого сегодня работала? — спросил он, накладывая себе добавки.

— До пяти, — сказала я. — Потом правки по макету, это ещё час.

— А завтра?

— Утром созвон, потом посмотрим.

Он кивнул.

— А послезавтра?

Я подняла взгляд.

— Просто так спрашиваешь?

— Просто так, — сказал он с совершенно невинным ви-

дом.

Я посмотрела на него ещё секунду. Он ел макароны. Марси сидела под столом и ждала, когда кто-нибудь уронит вилку.

— Послезавтра, наверное, то же самое, — сказала я. — Работа, созвон, правки. Жизнь менеджера по рекламе.

— Романтично.

— Не передать.

Он улыбнулся. Я тоже.

Потом он потянулся за телефоном — своим, я была уверена, — и я увидела, что взял мой. Он лежал рядом с его стороны стола, экраном вверх, оба похожи — одна и та же модель, только чехол другой.

— О, — сказал он, — перепутал.

Протянул мне. Я взяла.

Но он протянул не сразу. На долю секунды дольше, чем нужно, чтобы понять, что взял не тот телефон. Достаточно долго, чтобы скользнуть взглядом по экрану. Там ничего не было — просто обои, часы, три непрочитанных уведомления от рабочего чата. Ничего интересного. Ничего, что стоило читать.

Я убрала телефон в карман.

— Ничего, — сказала я.

— Извини.

— Всё нормально.

Мы домыли посуду и разошлись по своим углам. Он —

в гостиную. Я — в спальню, якобы читать, на самом деле лежать в темноте и думать.

Он не плохой, — сказала я себе. — *Он просто привык, что за ним следят. Мать — человек, который, судя по тому, что я слышала краем уха, умеет присутствовать очень интенсивно. И Андрей вырос в этом — в мире, где следить за другим человеком значит заботиться о нём. Где знать его расписание значит быть близким. Где переставить кружки значит помочь.*

Он не проверял меня. Он просто не умел иначе.

Нюша запрыгнула на кровать и легла мне на ноги. Это был первый раз, когда она вышла из режима игнора. Значит, решила, что катастрофа отменяется.

Я почесала её за ухом и подумала, что три ночи — это не так много. Вполне достаточно, чтобы понять кое-что важное о человеке. И вполне достаточно, чтобы ничего не делать с этим знанием пока.

Пока, — повторила я про себя.

Нюша замурлыкала. За стенкой было тихо.

* * *

Он рассказал сам. Я не спрашивала.

Мы сидели на кухне после ужина — Андрей с чаем, я с остатками компота, который сварила ещё в воскресенье и никак не могла допить, — и он вдруг сказал:

— Она узнала про тебя. Мама.

Я поставила кружку.

— И?

— Ну, — он повертел чашку в руках, — высказалась.

Этим «высказалась» можно было назвать что угодно — от лёгкого замечания до полноценного разноса. По тому, как он произнёс слово — ровно, без интонации, как произносят вещи, к которым привыкли, — я почти сразу поняла, что это был разнос.

— Что именно она сказала? — спросила я.

Он помолчал.

— Что ты разведёнка с ребёнком. Что мне это не нужно. Что я слишком добрый и меня легко использовать.

Марси прошла через кухню, не обращая на нас внимания. Ньюша смотрела с подоконника. В форточку тянуло тёплым — июль в Астрахани пах пылью и раскалённым асфальтом даже ночью.

— Понятно, — сказала я.

Внутри что-то сжалось. Не обида — нет, обижаться было бы странно, я не была знакома с этой женщиной и не чувствовала себя ей чем-то обязанной. Скорее холодное узнавание, почти физическое: вот это я уже видела. В другом варианте, в другом человеке, но та же механику — когда «мама беспокоится» на самом деле значит «мама решает».

— Она всегда так? — спросила я как можно нейтральнее.

— Бывает, — сказал Андрей. — Она звонит каждый день. Иногда по нескольку раз. Это просто... она так устроена.

Она так устроена.

Я убрала руки под стол, потому что не знала, куда их деть.

Он говорил без злости. Вот что меня цепляло больше всего — не содержание, а интонация. Ровная, привычная, почти усталая. Так говорят не о том, что случилось вчера. Так говорят о том, что было всегда и, по всей видимости, будет.

— Она же не знает меня, — сказала я. — Разведёнка с ребёнком — это просто... слова. Она ничего обо мне не знает.

— Я ей говорил. — Он поднял взгляд. — Что ты нормальный человек. Что мы просто общаемся. Она не слушает.

Просто общаемся. Ну да. Конечно.

— Она тебя любит, — сказала я. — Беспокойтесь.

Он кивнул с благодарностью — именно с благодарностью, не с облегчением, не с согласием, а с той специфической признательностью, которая бывает, когда человек ждал осуждения, а его не последовало. Это лицо я тоже узнала.

И именно в эту секунду я поняла, что сказала не то, что думала.

Я думала: нет. Она беспокоится о себе. О том, что сын уходит туда, куда она не сможет дотянуться. Это не забота — это контроль с добрым лицом, и разница между ними огромная, и Андрей её не видит, потому что вырос внутри этой разницы и для него она прозрачна, как воздух.

Но вслух я сказала «она тебя любит», и он кивнул, и теперь мы оба сидели в тишине, и я чувствовала, как только что захлопнулась какая-то дверца.

Маленькая. Почти незаметная.

Но я её почувствовала.

— Ты обиделась? — спросил он.

— Нет, — сказала я честно. — Я не обиделась.

— Она не знает тебя, — повторил он. — Когда познакомится — всё будет иначе.

Я не ответила. Налила себе ещё компоту — не потому что хотела, а потому что нужно было что-то сделать руками.

Когда познакомится, — повторила я про себя. Как будто это было само собой разумеющееся. Как будто встреча с мамой стояла в расписании где-то между созвоном и правками по макету.

— Андрей, — сказала я, — вы помирились?

Он чуть помолчал.

— Она перестала звонить. Это обычно значит, что помирились.

— А ты ей перезвонил?

— Нет ещё.

— Может, стоит?

Он посмотрел на меня — с тем же выражением, с каким, наверное, смотрят на человека, который предлагает разминировать гранату руками.

— Потом, — сказал он. — Не сегодня.

Я кивнула.

Нюша спрыгнула с подоконника и прошла мимо нас в коридор. Андрей проводил её взглядом — с такой тихой завистью, будто сам хотел вот так же встать и уйти куда-нибудь,

где нет ни матери, ни разговоров.

— Спасибо, что пустила, — сказал он тихо. — Серьёзно.

— Три ночи, — сказала я. — Ещё одна осталась.

— Знаю.

Мы посидели ещё немного. Потом он ушёл в гостиную — не резко, не демонстративно, просто ушёл. Я услышала, как он ложится на диван, как скрипнула подушка.

Я осталась на кухне с остывшим компотом и ощущением, которое никак не могла назвать точным словом. Не тревога. Не жалость. Что-то среднее — то, что бывает, когда видишь, как кто-то тащит камень, и понимаешь, что он тащит его давно, привык к весу, и если предложить помочь — удивится. Потому что никогда не думал, что можно иначе.

Три ночи, — подумала я. — *Ещё одна.*

За окном было тихо. Астрахань спала.

* * *

Я позвонила Вове в половину двенадцатого — когда Андрей уже тих в гостиной и последнее, что я слышала, был скрип подушки.

Телефон я вынесла в спальню. Дверь прикрыла.

— Алло, — сказал Вова с такой интонацией, что сразу понятно: не спал, сидел с какой-нибудь дурацкой игрой.

— Не сплю не я одна, — сказала я.

— Ты никогда не звонишь после одиннадцати, — сказал он без упрёка. Просто констатация.

— Знаю.

Пауза. Я села на кровать, поджала ноги. За окном стояла та особенная южная темнота, которая не бывает совсем чёрной — всегда немного лиловая, немного с запахом пыли и ночного тополя.

— Ну, — сказал Вова.

И я рассказала.

Не всё и не по порядку. Просто как оно было: чемодан у двери, три ночи, диван, история про мать. Вова слушал так, как умеет только он — не перебивая, не охая, изредка тихо хмыкая в трубку. Это хмыканье я знаю с детства. Оно означает примерно следующее: *слышу, продолжай*.

Когда я дошла до чемодана, он хмыкнул чуть иначе.

— И ты пустила?

— На три ночи.

— Ты умеешь ставить условия, — сказал он с уважением, в котором было ровно столько иронии, сколько нужно, чтобы не обидеть.

— Я умею делать вид, что ставлю условия.

— Разница есть?

— Наверное, пока нет, — призналась я.

Он помолчал.

— Ну ты и влипла, Тань.

Я засмеялась. Тихо, в ладонь, чтобы не было слышно в гостиной — и сразу удивилась сама себе, потому что смеяться тут было особенно не над чем, а получилось само собой. Просто от того, что он это сказал именно так — без драмы,

без «я же говорил», без советов. Просто назвал вещь своим именем.

— Влипла, — согласилась я.

— Давно влипла или с чемоданом?

— Вова.

— Я без осуждения. Просто хронологически интересно.

Я откинулась на подушку и уставилась в потолок. На нём было тёмное пятно — старое, ещё с прошлого года, когда у соседей сверху что-то потекло. Я сколько раз собиралась покрасить и каждый раз находила что-то важнее.

— Не знаю, — сказала я честно. — Раньше.

— Тогда понятно.

— Что тебе понятно?

— Что ты его пустила. Раньше бы не пустила.

Это было верно. Это было так верно, что я не нашла что ответить и просто помолчала, а Вова не торопил.

— Мне тревожно, — сказала я наконец. — Не из-за него. Из-за его матери. Она... Вов, она не знает меня и уже против. Это такой тип людей, который не изменит мнение, когда познакомится. Он скорректирует претензии.

— Угу, — сказал Вова.

— И он не видит этого. Он думает — познакомится, и всё будет хорошо.

— Он молодой.

— Он не настолько моложе меня.

— Тань, — сказал Вова мягко, — я имею в виду не воз-

раст. Я имею в виду, что он с ней всю жизнь. Для него это норма. Нормальные люди свою норму не видят.

Я закрыла глаза. Нюша запрыгнула на кровать где-то в районе моих ног и потопталась, устраиваясь.

— Ты думаешь, мне стоит...

— Я ничего не думаю, — перебил Вова, и это тоже было его фирменное — не потому что ему всё равно, а потому что он принципиально не лезет со своим. — Ты умная. Разберёшься.

— Это не совет.

— Нет.

— Это уклонение от ответа.

— Это вера в тебя, — сказал он с лёгким достоинством.

— Разные вещи.

Я снова засмеялась — на этот раз тише, внутри, почти без звука.

— Как у тебя? — спросила я.

— Нормально. На работе сдали отчёт. Кот живой. Сам живой.

— Это хорошо.

— Это всё, что нужно, — согласился он.

Мы ещё немного помолчали. С Вовой всегда так — паузы не неловкие, они просто часть разговора. Я слышала, как он переключил что-то у себя — телевизор или планшет, — и в трубке стало тише.

— Езжай к нему, — сказал он.

— Что?

— Когда разберёшься. Ну, или не разберёшься, а просто решишь. Езжай. Я помогу с вещами, если надо.

— Вов, я ещё не...

— Я не тороплю, — сказал он. — Просто чтобы знала: ты не одна с этим.

Я не ответила. Горло чуть перехватило — не слезами, просто тем, чем бывает, когда тебя видят точнее, чем ты сама себя.

— Спи, — сказал он. — Поздно уже.

— Ты тоже.

— Буду.

Я нажала «завершить» и осталась лежать в темноте. Телефон положила рядом, на одеяло. Ньюша перебралась ближе и легла вдоль бока — тёплая, тяжёлая, совершенно безмятежная.

Ты не одна с этим.

Я подумала: а ведь правда. Есть Вова — немногословный, ненавязчивый, надёжный, как хорошая антресоль. Есть мой собственный здравый смысл, который сегодня несколько раз пытался сказать мне что-то важное, и я его почти слушала.

Три ночи — это не катастрофа. Это три ночи. Осталась одна.

Пока, — добавила я мысленно.

И сама не поняла, к чему это «пока» относилось — к ночам, к тревоге, к чемодану у двери или к чему-то большему,

что ещё не успело получить название.

Нюша замурлыкала. За окном было тихо.

Я закрыла глаза и наконец заснула.

* * *

На третье утро я проснулась раньше будильника.

За окном Астрахань уже начинала жариться — небо белёсое, без намёка на прохладу, воробьи галдели у водосточной трубы. Нюша лежала на своём законном месте у батареи, хотя батарея летом не работала — ей было всё равно, она свою территорию метила не теплом, а принципом.

Я встала, умылась, поставила чайник.

Из-за закрытой двери гостиной не было слышно ни звука. Андрей спал тихо — я заметила это ещё в первую ночь и успела подумать что-то вроде *ну хоть это*, потому что мой бывший храпел так, что у соседей снизу, подозреваю, развивался лёгкий невроз.

Я взяла телефон — проверить почту, пока кипятится вода.

Уведомлений было больше, чем обычно. Я открыла рабочий мессенджер и несколько секунд просто смотрела на экран, не сразу понимая, что именно вижу.

Андрей ответил Кате из отдела.

Не я. Андрей.

В нашем с Катей рабочем чате, с моего телефона, чужим текстом — вполне внятным, даже вежливым: *Таня пока занята, скину файл чуть позже.* Время отправки: 07:14. Я в

07:14 ещё спала.

Я опустила телефон. Подняла снова. Перечитала.

Таня пока занята.

Чайник щёлкнул. Я его не слышала.

Дверь в гостиную открылась сама — Андрей вышел в коридор уже одетый, с волосами, ещё влажными после душа, и с моей кружкой в руке. Он явно намеревался поставить её передо мной с каким-то своим утренним видом на чай.

Он увидел моё лицо и замер.

— Ты отвечал с моего телефона, — сказала я.

Не вопрос.

— Я... — Он посмотрел на кружку, потом на меня. — Да. Телефон лежал на столе, пришло сообщение, я увидел, что Катя ждёт ответа. Ты спала, я не хотел будить. Просто сказал, что ты скинешь файл позже, ничего лишнего.

— Ты ответил с моего рабочего аккаунта.

— Ну, технически — да. Но я же не...

— Андрей.

Он замолчал.

Я взяла со стола телефон и положила его в карман пижамных брюк — намеренно, без спешки, потому что мне важно было, чтобы жест был понятен. Не истерика. Не демонстрация. Просто: вот где это должно находиться.

— Это моя работа, — сказала я. — Моя переписка. Катя пишет мне, не тебе. Яна — мне, не тебе. Всё, что в этом телефоне, — это моё профессиональное пространство, и туда

нельзя, даже если кажется, что ты помогаешь.

— Я просто хотел помочь.

— Я слышу. — Я не повысила голос, хотя что-то внутри натянулось, как нить перед разрывом. — Но ты не спросил. Ты решил за меня, что я сейчас занята, что файл будет позже, что Катя не будет ждать. Ты не знаешь, что у меня с Катей, какой у нас дедлайн, почему это сообщение пришло в семь утра.

— Ну, я мог ошибиться, конечно...

— Дело не в ошибке. Дело в том, что ты взял мой телефон и сделал что-то без спроса. Это нельзя.

Он поставил кружку на подоконник. Медленно, как человек, которому нужно чем-то занять руки, пока он соображает.

— Я не думал, что это такое большое дело, — сказал он. Не грубо. Скорее растерянно.

— Я знаю.

Пауза.

За окном воробьи переключились на другую водосточную трубу.

Мне хотелось сказать: *ничего страшного, в следующий раз спроси* — и пойти пить чай. Это было бы мягче. Быстрее. Он бы кивнул и расслабился, и утро покатилося бы дальше без этой тягучей паузы.

Я этого не сказала.

Потому что *ничего страшного* — это был бы не я.

Это была бы я-которая-сглаживает, я-которая-не-хочет-конфликта, я-которая-потом-сама-не-помнит-зачем-молчала.

Я уже знала эту я. Мы с ней несколько лет были одним человеком.

— Я не злюсь, — сказала я. — Но я хочу, чтобы ты понял. Это важно. Не потому что ты сделал что-то ужасное. А потому что я хочу знать, что мои вещи — это мои вещи. И мои решения — мои.

Андрей смотрел на меня. Не оправдывался больше, не искал лазейку в формулировках — просто смотрел. Что-то в его лице изменилось, стало чуть другим, как бывает, когда человек на самом деле слышит.

— Прости, — сказал он тихо. — Я не подумал.

Три слова. Без довесков, без объяснений почему так вышло, без встречного «но ты же понимаешь». Просто — прости. Не подумал.

Что-то во мне слегка отпустило.

Не всё. Но — слегка.

— Хорошо, — сказала я.

Я налила чай. Два стакана — автоматически, третье утро уже выработало привычку. Один поставила перед ним. Он взял, не комментируя.

Мы стояли у окна и пили чай, и молчали. Не то чтобы хорошо — но честно. Напряжение было, просто оно уже не звенело, а лежало между нами тихо, как что-то, что было сказано и услышано.

Потом Андрей допил, поставил стакан и пошёл в гостиную.

Я слышала, как он складывает вещи. Негромко, аккуратно — без демонстративного грохота, без хлопанья дверцами. Просто собирался.

Нюша прошла мимо меня в коридор, понюхала его чемодан и выразила своё мнение, удалившись обратно к батарее.

Андрей вышел уже с чемоданом. Куртка перекинута через руку, телефон в кармане.

— Спасибо, — сказал он. — За три ночи.

— Пожалуйста.

Он надел кроссовки, взялся за ручку двери. Потом обернулся.

— Можно я позвоню?

Я смотрела на него секунду. На влажные ещё волосы, на то, как он держит чемодан — чуть неловко, будто не знает, в какую руку лучше. На то, что он не улыбался, не заискивал, просто спрашивал.

— Можно, — сказала я.

Он кивнул. Открыл дверь и вышел.

Я закрыла замок и осталась стоять в коридоре. Тихо. Только Нюша где-то на кухне что-то уронила с подоконника — привычно, как всегда, ни из-за чего.

Три ночи.

Я подумала о том, что он спросил *можно я позвоню* — не *я позвоню*, не *до встречи*, а именно спросил. Малень-

кое. Но — спросил.

Видишь, — сказала мне та часть меня, которая любит делать выводы раньше времени.

Вижу, — ответила я ей.

И пошла пить остывший чай.

Глава 5. Актин и чужая ответственность

Яне я позвонила в обеденный перерыв, пока кофемашина в коридоре ещё не оккупировали. Повод был рабочий — уточнить дедлайн по одному из проектов, — но я знала, что это не главное, зачем звоню. Знала с самого утра, с той минуты, как закрыла за Андреем замок и услышала, как щёлкнул язычок.

Канал между «думаю о нём» и «делаю что-то по этому поводу» у меня всегда работал с задержкой. Видимо, сегодня задержка закончилась.

— Таня, привет, — Яна ответила после второго гудка, голос чуть рассеянный — судя по звуку клавиш на фоне, она что-то дописывала. — Да, по проекту: тридцать первое, без переносов, я Диме уже сказала.

— Поняла, спасибо. — Я зашла в переговорку и закрыла дверь. Стул скрипнул. — И ещё один вопрос, если есть минута.

Клавиши умолкли.

— Есть.

— Ты говорила, что ищите проектника на входящие заявки. — Я постаралась, чтобы это звучало как профессиональное замечание, а не как то, чем было на самом деле. —

У меня есть человек. Бывший акробат, сейчас в графике — макеты, вёрстка, немного диджитал. Ищет что-то с перспективой.

Пауза. Яна умела делать паузы, которые думали.

— Это тот, которого ты упоминала на прошлой неделе?

Я не упоминала на прошлой неделе. Но Яна умела ещё и читать между строк там, где я ничего не писала.

— Возможно, — сказала я осторожно.

— Ладно. — Снова клавиши — Яна открыла какой-то файл. — Рассказывай. Что умеет, что не умеет, почему он, а не кто-то из базы.

Вот тут я могла бы сказать: *он очень мотивированный* или *я в нём уверена*. Что-нибудь обтекаемо-хорошее, от которого ни холодно ни жарко. Но Яна не любила обтекаемое — я работала с ней достаточно, чтобы это знать.

— С Excel — базово, нужно подтягивать. В продажах не работал, но в коммуникации хорош: слышит людей, умеет подстроиться без потери себя. Графику знает хорошо, особенно вёрстку. С дедлайнами — не проверяла в серьёзных условиях, но по тому, что он делал для меня, — держит. — Я сделала паузу. — Опыта в нашей специфике нет. Будет учиться прямо на месте.

— Это честно, — сказала Яна. — Ценю.

— Поэтому и говорю так, а не иначе.

— Понимаю. — Она помолчала ещё секунду. — Хорошо, могу взять на проект. Испытательный месяц, задачи по вхо-

дящим, посмотрим как идёт. Но, Тань.

— Да.

— Ты понимаешь, что если что — это твоя история, не только его?

Я понимала. Именно поэтому сижу в переговорке с закрытой дверью, а не пишу ей в рабочий чат.

— Понимаю, — сказала я.

— Окей. Пусть пришлёт резюме, я гляну до конца недели. Если всё нормально — созвонимся уже с ним.

— Договорились. Спасибо, Яна.

— Не благодари пока, — она хмыкнула, без злобы, просто по-деловому. — Посмотрим, как он себя покажет.

Я нажала отбой и осталась сидеть в переговорке.

За стеклянной стеной коридор жил своей жизнью: кто-то прошёл с бумагами, кто-то смеялся у кофемашины, Дима из отдела дизайна зачем-то нёс системник под мышкой. Обычный день. Ничего не изменилось.

Я смотрела на телефон в руке.

Вот и всё. Я позвонила. Договорилась. Взяла под свою ответственность человека, которого знаю три недели, который жил у меня три ночи, который один раз превысил полномочия с моим телефоном и один раз — извинился так, что я ему почти поверила.

Почти.

Я попробовала честно ответить себе на вопрос: зачем я это сделала? Потому что верю в него? Или потому что мне

привычнее всего именно так — брать чужое и делать своим, решать, устраивать, нести?

После развода я дала себе слово, что больше не буду спасателем. Что хватит с меня роли человека, который тащит за двоих и в итоге оказывается виноватым в том, что устал. Я даже держала это слово — года полтора примерно, пока жизнь шла своим ровным ходом и некого было спасать.

А тут — три недели, один звонок Яне, и вот.

Смешно, конечно. Не смешно.

Нюша бы сейчас посмотрела на меня с подоконника с таким видом, будто всё понимает и всё равно не одобряет.

Я убрала телефон в карман. Поднялась, одёрнула джинсы, взяла со стола кружку с уже остывшим чаем.

Одно дело, что я это сделала. Другое — зачем. Разбираться в этом сейчас, пока даже не ясно, придёт ли он с резюме и справится ли с первым месяцем, было бы неэффективно. Непродуктивно. Преждевременно.

Это я умею — откладывать неудобные вопросы в папку *разберусь потом*.

Папка уже была довольно толстой.

Я вышла из переговорки и пошла обратно к своему столу. Дима с системником куда-то исчез, у кофемашины стало свободно. Я налила себе ещё, хотя кофе мне уже не особо хотелось.

Просто нужно было что-то сделать руками, пока голова тихо и методично складывала: *я позвонила Яне. Яна согла-

силась. Теперь надо сказать ему.*

И вот тут, между «согласилась» и «надо сказать», жило что-то, что я пока отказывалась называть по имени.

* * *

Я написала Андрею сразу после переговоров — пока ещё шла к кофемашине и чувствовала в руках лёгкую дрожь, которую вслух никогда не назову волнением.

Договорилась с Яной. Нужно резюме до конца недели. Потом созвон уже с тобой.

Пауза. Пять минут.

Можем встретиться сегодня? Поговорить.

Я посмотрела на часы, потом на своё расписание. Обед в полвторого, потом созвон с клиентом. До обеда — час.

Кофейня у автовокзала. В час.

Нейтральная территория. Не моя квартира, где Ньюша садится между нами и выражает всем своим видом глубокое неодобрение, и не его ничего — потому что его «ничего» сейчас означало: пока нигде.

Кофейня была маленькой, пыльной от жары и пропахшей кардамоном. Два столика у окна, один у стены с облупившейся краской, на которой кто-то когда-то нарисовал кота в шляпе. Я взяла американо и села лицом к двери.

Андрей пришёл раньше, чем я ожидала. Минута в минуту, даже чуть раньше, что само по себе было неожиданностью — я привыкла, что люди, которых что-то сильно волнует, либо опаздывают от суеты, либо приходят на двадцать минут

раньше и сидят с видом приговорённого. Андрей просто вошёл, увидел меня, кивнул, заказал у стойки что-то холодное и сел напротив.

На нём была серая футболка и выражение лица человека, который решил вести себя спокойно и пока справляется.

— Ну, — сказал он.

— Ну, — ответила я.

Я обхватила кружку обеими руками, хотя в кофейне было жарко и смысла греть руки не было никакого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.